

Гамильтоны

Джо Гудмэн

Больше, чем ты знаешь

2000

Гудмэн Д.

Больше, чем ты знаешь / Д. Гудмэн — 2000 — (Гамильтоны)

Дабы завладеть старинным семейным кладом, отважный американец Рэнд Гамильтон был готов **РЕШИТЕЛЬНО НА ВСЕ** – даже стать спутником и защитником избалованной юной англичанки Клер Банкрофт, которая отправилась на поиски пропавшего брата. Однако, собираясь в путь, сулящий бесчисленные опасности и приключения, Рэнд еще не подозревает, что истинным сокровищем, которое ему предстоит обрести, окажется не баснословное состояние, а **ЛЮБОВЬ**. Любовь к Клер, что станет для него страстью и мукой, печалью – и невероятным счастьем!..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Джо Гудмэн

Больше, чем ты знаешь

Глава 1

Лондон, апрель 1875 года

Он нисколько не удивился, что не сразу заметил ее. Ей отлично удавалось держаться в тени, хотя положив руку на сердце он подумал, что это не требовало больших усилий. Такой уж создала ее природа, наделив внешностью, которая вряд ли могла приковать к себе чей-то взгляд. Каштановые волосы, карие глаза... неулыбчивый рот. Такое лицо сложно было запомнить, зато легко забыть. «Вот и чудесно», – подумал он, поскольку мечтал побыстрее выкинуть ее из головы.

Он снова повернулся к ней спиной, как уже делал прежде. Правда, до сих пор это получалось ненамеренно, но сейчас не обратить внимания на его грубость мог только слепой. Опершись о стол орехового дерева, он слегка склонил голову набок, разглядывая сидевшего напротив человека. Он не собирался тратить слов попусту.

– Нет.

Эван Маркхэм, восьмой герцог Стрикленд, не привыкший к отказам, даже бровью не повел. С детства, с молоком матери впитанное умение владеть собой помогло ему сохранить бесстрастное выражение лица. Сцепив под подбородком бледные, изящные пальцы, он медленно поднял глаза, стараясь не показать, что внутри у него все кипит.

– Должно быть, вы не поняли, – проговорил Стрикленд. – Это не просьба с моей стороны, капитан Гамильтон, а условия нашей сделки. И устанавливаю их я. Стало быть, чтобы получить деньги, в которых вы так нуждаетесь, вы обязаны принять на борт мисс Банкрофт. И это не обсуждается.

От внимания Рэнда Гамильтона не ускользнуло бледное подобие улыбки, исказившее тонкие губы герцога, но он предпочел притвориться, что ничего не заметил. Ему плевать на то, что подумает о нем Стрикленд. Он не собирался соглашаться ни на какие условия. Рэнд слегка расслабился.

– Нет, – отрезал он.

Холеные пальцы Стрикленда чуть заметно дрогнули. Неосознанным жестом он сжал кулаки. Взгляд холодных голубых глаз, которыми он ощупывал лицо стоявшего перед ним мужчины, стал ледяным. Впервые его светлость усомнился в правильности своей оценки противника. Конечно, он догадывался, что столкнется с человеком не только незаурядным, но еще и упорным. Однако ему казалось, что у Гамильтона хватит ума оценить важность той услуги, которую ему готовы оказать, и обеими руками ухватиться за тот единственный шанс, который предоставляют ему судьба и герцог Стрикленд.

Он не сомневался, что даже безрассудства и дерзость капитана Гамильтона имеют разумные пределы.

Чувствуя на себе испытующий взгляд герцога, Рэнд замер. Привычным движением он пригладил на висках гриву густых медно-рыжих волос и рассеянно огляделся по сторонам. Раньше у него такой возможности просто не было. С той самой минуты, как он появился в городском особняке герцога Стрикленда, его ни на мгновение не оставляли одного. Предполагалось, что, оценив, куда он попал, капитан Гамильтон преисполнится благоговейного восхищения и почтительной благодарности. Это показалось ему почти забавным. Да он лучше даст себя четвертовать, чем согласится дожить до того дня, когда ему доведется испытать нечто подобное!

Вся северная стена в обшитой панелями орехового дерева библиотеке герцога была от пола до потолка уставлена книжными шкафами. Сотни пухлых, в кожаных переплетах томов ласкали взгляд каждого, кто любил книги так же, как Рэнд. Он вдруг почувствовал острый укол зависти и разозлился на себя за это мальчишеское чувство. А мысль о том, что это скорее всего лишь малая толика тех сокровищ мысли, что собраны в других поместьях, также принадлежавших герцогу, сделала зависть особенно едкой. С трудом подавив желание поближе познакомиться с собранием книг Стрикленда, Рэнд постарался заглушить это чувство, по давней привычке скрывая свою слабость.

Взгляд его, ненадолго утративший свою непроницаемость, скользнул к противоположной стене, где в тяжелых богатых рамах висели картины: английские пейзажи и древние замки – владения герцога, а также портреты его предков. Вглядываясь в лица на картинах, Рэнд отмечал знакомые черты. Свои холодные голубые глаза Стрикленд скорее всего унаследовал от молодой женщины с крохотной собачонкой на коленях, жившей пару столетий назад. Суровую, даже жестокую, линию тяжелой нижней челюсти – от старика, надменно выпрямившегося в седле. А густые черные волосы нынешнего герцога, судя по всему, были фамильной гордостью. Узкие губы и словно прорезанный лезвием ножа рот были точной копией тех, что красовались на лице холеного джентльмена средних лет, смотревшего на Рэнда с еще одного семейного портрета. От всех этих физиономий веяло холодом, как и от лица Стрикленда.

Переместившись за плечо нынешнего герцога, взгляд его упал на пылавший в камине огонь. И вдруг он поймал себя на том, что вспоминает дом. Там, в Чарлстоне, апрельским вечером никому бы и в голову не пришло разводить огонь, чтобы согреться. Жаркие солнечные лучи, прогнав утреннюю прохладу, уже успели согреть каждый листок, каждую травинку. Бриа сейчас наверняка сидит на веранде, как обычно, подставив лицо солнцу. Может, она улыбается. Во всяком случае, Рэнд надеялся на это. Ему не хотелось думать, что она улыбается только ему, ведь он всегда мечтал, чтобы она была счастлива.

Вдруг он вспомнил о женщине, сидевшей позади него и даже не подумавшей улыбнуться, когда он бросил взгляд в ее сторону. Казалось, ей не было никакого дела, нравится ли ему ее невеселое лицо... Ни досадливого румянца на щеках, никакого намека на то, что она оскорблена его оценивающим взглядом. Создавалось впечатление, что она вообще не заметила, что ее разглядывают.

Она даже не удостоила его ответным взглядом, как сделала бы на ее месте другая, более самоуверенная женщина. Не попыталась отвернуться, смущенно отвести глаза в сторону, как поступила бы скромница. Вместо этого она продолжала смотреть куда-то в сторону, поверх его головы, и взгляд ее был рассеянным, как у человека, погрузившегося в свои мысли. Не изменилось и серьезное, почти надменное, выражение ее лица.

Мисс Банкрофт, судя по всему, даже не подозревала, что обладает тем единственным качеством, которое способно пробудить в нем интерес, – полным и абсолютным равнодушием ко всему происходящему. Отвернувшись от нее, Рэнд невольно гадал: по-прежнему ли она витает в облаках? Или решила воспользоваться представившейся возможностью, чтобы взглянуть его без помех и вынести свое суждение? Бриа частенько твердила ему, что, когда толпы женщин вьются вокруг, как мотыльки вокруг лампы, мужчине нет нужды смотреть на себя в зеркало. Он всегда только ухмылялся в ответ. А Бриа тут же успевала вернуть, что эта насмешливая, таинственная ухмылка ничуть не умаляет его привлекательности.

«Жаль, что Бриа не видит сейчас мисс Банкрофт», – хмыкнул про себя Рэнд.

Стрикленд откинулся на спинку кресла.

– Вот что, капитан, думаю, нам не помешает выпить. Пара глотков доброго шотландского виски – и все чудесным образом становится на свои места, верно? Боюсь, я недостаточно четко объяснил свои позиции.

Похоже, Стрикленду просто-напросто не пришло в голову, что кто-то способен осмелиться не согласиться с ним или отказаться исполнить его волю, сообразил Рэнд. Скорее всего герцог решил, что если он логически обоснует свою мысль, то незамедлительно получит согласие. То, что у его собеседника могут быть собственные соображения на этот счет, не приходило ему в голову.

– Виски – это чудесно.

Герцог слегка кивнул, видимо, принимая согласие Рэнда как первую из уступок, за которой должны последовать остальные.

– Клер, дорогая, – окликнул он, – не будете ли вы столь добры?..

Почувствовав какое-то движение позади себя, Рэнд на мгновение решил, что мисс Банкрофт решила сама услужить им. Незаметно скосив глаза в ее сторону, он увидел, как она неторопливо подошла к двери, дернула за сонетку и вызвала дворецкого.

– Благодарю вас, дорогая, – добродушно кивнул герцог. – А теперь, если вам угодно, можете пойти к себе. Боюсь, обсуждение всех этих скучных деловых деталей вас утомит.

Рэнд Гамильтон невольно отметил про себя, что если Клер Банкрофт и задела небрежность, с которой ее, как ребенка, отсылали прочь, то она ничем этого не показала. Все с той же легкой улыбкой на губах она обратилась к герцогу, и в голосе ее не было и намека на обиду. Однако она как будто оттаяла немного – во всяком случае, так с ним могла разговаривать старая приятельница. Словно пытаясь по-дружески предупредить герцога, мисс Банкрофт произнесла:

– Берегитесь, ваша светлость. Вы решили, что капитан Гамильтон уже склонился перед вашей волей. Однако, боюсь, если он не передумает, вам вряд ли удастся перейти к деталям.

Рэнд смотрел, как ее тонкие пальцы легли на ручку двери.

Внезапно он почувствовал что-то вроде легкого разочарования оттого, что она уходит, и удивился. С чего бы это? Может, потому, что она в отличие от герцога с пониманием отнеслась к его праву отказаться от сделанного предложения? По крайней мере ей не пришло в голову спорить, подумал он.

– Рад был познакомиться с вами, мисс Банкрофт, – учтиво сказал Рэнд.

Она скользнула по нему равнодушным взглядом.

– Я тоже, капитан Гамильтон, и вы это знаете. – Клер повернула ручку двери. – Я буду в своей гостиной, ваша светлость. – С этими словами она вышла из комнаты.

Стрикленд даже не посмотрел ей вслед. Его внимание было приковано к гостю. И от него не ускользнул внезапный интерес, вспыхнувший в глазах капитана при резком выпаде Клер. «Жаль, что ей не пришло в голову промолчать», – вздохнул он про себя.

– Боюсь, вам придется извинить мою крестницу – она привыкла объясняться откровенно.

Рэнд и сам не знал, что удивило его больше: тот факт, что мисс Банкрофт оказалась крестницей герцога, или то, что Стрикленд счел нужным принести свои извинения. Никак не отреагировав на его слова, он вместо этого спросил:

– Она была больна?

– А-а! – протянул Стрикленд. – Стало быть, мой намек на то, что она может утомиться, не прошел незамеченным!

Рэнд не стал спорить. Однако от его острого взгляда не укрылись ни глубокие тени, залегшие под глазами мисс Банкрофт, ни ее бескровное лицо.

Жестом предложив Рэнду сесть, герцог упорно молчал, пока тот наконец не опустился в кресло.

– Больна... да, но не в обычном понимании этого слова, – проговорил он после того, как Рэнд умышленно развалился в кресле, вытянув вперед ноги.

Герцог все больше сомневался, что ему удастся притерпеться к развязным манерам невежи американца. «Это все оттого, что они живут в огромной стране, от бескрайности ее

просторов», – решил он. Оттуда-то и эта привычка сидеть и стоять так, чтобы занимать куда больше места, чем человеку нужно на самом деле – привычка, которую сам Стрикленд считал недостатком. Он намеренно выпрямился, будто проглотил аршин, с тайным желанием заставить капитана понять намек и принять более пристойную позу.

– Ей пришлось немало пережить, капитан. Мисс Банкрофт не повезло... – Помолчав, герцог пожевал губами, раздумывая, как бы лучше объяснить то, что произошло. – На ее долю выпало тяжелое испытание, скажем так. Очень тяжелое. Однако сейчас здоровье ее пошло на поправку. Во всяком случае, так считают доктора. И как только они решат, что ей можно отправляться в путь, уверяю, вам больше не о чем будет волноваться. Во всяком случае, сама она надеется, что морское путешествие пойдет ей на пользу.

Глаза Рэнда по цвету напоминали лесные орехи, только в данный момент в них не было и намека на теплоту. Он бестрепетно встречал взгляд герцога.

– Вы ошиблись, приняв мой вопрос за проявление интереса. Мне нет никакого дела до того, в состоянии ли мисс Банкрофт отправиться в плавание или нет. Пока я жив, ноги ее не будет на палубе «Цербера».

Стрикленд предпочел сделать вид, что не расслышал. Тем более что виски до сих пор не принесли.

– Объясните мне, капитан, как это вам пришло в голову назвать свой корабль именем стража адских ворот?

– Ну, ваша светлость, нужно ведь ему как-то называться.

Этот развязный ответ неприятно задел герцога, но неудовольствие его выразилось лишь в легком подрагивании губ. Высокомерие американца, граничившее с дерзостью, бесило его. Непродолжительный опыт общения герцога с соплеменниками Рэнда убедил его в том, что американцы хоть и называют своего президента просто «мистер», однако при этом испытывают нечто вроде благоговейной зависти к обладателям пышных и звучных титулов. Однако Рэнд Гамильтон явно не принадлежал к их числу.

– Мне-то казалось, я понемногу начинаю разбираться в характере янки, – пробормотал герцог.

– Возможно, так оно и есть, – манерно протянул Рэнд, – если, конечно, вам приходилось иметь дело с янки. Мы – совсем другое дело. Наши корни – на Юге.

– На Юге?

– Да. Северяне для нас – варвары.

– Стало быть... у вас даже есть некая граница?

– Да, между Мэрилендом и Пенсильванией.

Стрикленд повернул голову на легкий скрип приоткрывшейся двери, не удостоив появившегося на пороге дворецкого даже легкого кивка. Впрочем, Эммерет двигался настолько бесшумно, что присутствие его почти не ощущалось – можно было подумать, что хрустальные бокалы наполнила рука привидения.

– Знаете, капитан, вы говорите так, словно жители северных и южных штатов вашей страны очень сильно отличаются друг от друга. В конце концов, прошло десять лет после окончания гражданской войны.

– Война-то закончилась, – согласился Рэнд, – а изменилось ли что-то, судить не нам. Время покажет.

Тонкие темные брови Стрикленда взлетели вверх.

– Мне почудилось или же я и впрямь слышу нотку горечи в вашем голосе?

– В самом деле?

Ничего не ответив, герцог поднял к губам бокал и, сделав небольшой глоток, задумчиво посмотрел на своего гостя.

– Это бы многое объяснило. – Смакуя ароматный напиток, он невольно отметил про себя, что янтарно-карие глаза капитана как будто стали еще холоднее. – Прошу меня извинить, но я никогда не позволил бы себе пригласить незнакомого человека, не попытавшись узнать о нем как можно больше. К примеру, мне удалось выяснить, что во время гражданской войны вы потеряли почти все...

– Войны между штатами, – перебил его Рэнд.

– Простите?

– Мы предпочитаем называть ее войной между отдельными штатами.

Стрикленд кивнул, сообразив, что под словечком «мы» капитан Гамильтон подразумевает выходцев из южных штатов. Судя по всему, принадлежность к определенному штату имела для самих американцев колоссальное значение, и сейчас герцог невольно поймал себя на мысли, что ему совершенно не хочется испытывать терпение своего гостя, особенно когда его собственные планы еще не увенчались успехом.

– Что ж, хорошо. Итак, вы потеряли отца, брата, а потом и дом. И даже землю. Полагаю, единственное, что у вас осталось, – это ваш «Цербер». И если у кого-то из ваших соотечественников есть право испытывать горечь, так это у вас.

Какое-то время Рэнд молчал. Челюсти его сжались, на скулах заходили желваки, потемневшее лицо посуровело. Он машинально провел рукой по лицу, где от виска до подбородка тянулся тонкий шрам, с течением времени превратившийся в белую полосу.

– Вас недостаточно точно информировали, ваша светлость. Мой отец был убит под Виксбергом. Старшего брата Дэвида прикончила шайка мародеров – они попытались изнасиловать мою мать, а он вступился за нее. Шелби погиб под Манассасом – по всей видимости, о наличии у меня еще одного брата вы не знали. Мой дом и земли отобрали «саквояжники»¹. Потом мне удалось захватить «Цербер». Многие на вашем месте сочли бы меня счастливым. Было такое время, когда я сам готов был согласиться с ними.

– А потом?

– Думаю, вам и так известно, что произошло потом, – усмехнулся Рэнд. – Именно поэтому я здесь.

– Мне известно только, что последние десять лет вы предпринимаете отчаянные попытки вернуть семейное состояние. Именно ваше упорство и мешает мне поверить, что вы, как и многие другие, считаете себя счастливым.

Рэнд пожал плечами. Краска сбегала с его лица, и белый шрам на щеке сейчас был почти незаметен. Не сводя с него глаз, герцог спросил:

– Сколько вам сейчас, капитан? Тридцать? Тридцать один?

– Тридцать один.

– Я намного старше вас, и, поверьте, я знаю кое-что о том, чему вы посвятили свою жизнь. Стремление сохранить семейное состояние, вернуть потерянное – это поистине могучая движущая сила, капитан. А уж если говорить о том, чтобы вновь нажать богатство, и немалое... поверьте, такое желание способно свести с ума! – Подняв бокал, он повел им в сторону висевших на стене семейных портретов. Однако как выяснилось, герцог хотел привлечь внимание Рэнда на один из пейзажей. – Это окрестности Эбберли-Холла. Пять столетий подряд его разворовывали, захватывали, сжигали, разоряли – и все это члены одной семьи, заметьте! В конце концов королева Бесс² забрала его себе. Одна из моих прапрапрабабок умудрилась заполучить его назад – правда, едва не поплатившись головой. Так что, как видите, это и у нас в крови... Я пошел бы на что угодно... нет, я пойду на что угодно ради того, чтобы сохранить то, что считаю своим по праву. Похоже, у нас с вами много общего, а, капитан?

¹ Северяне, добившиеся влияния и богатства на Юге после Гражданской войны 1861—1865 гг.

² Прозвище английской королевы Елизаветы I.

– Но Эбберли-Холл по прежнему принадлежит вам, – сухо заметил Рэнд, – так что вы не можете считать себя ограбленным.

– Да, вы правы, капитан... в том, что касается Эбберли-Холла.

Рэнд ждал, что он еще скажет, но герцог молчал, словно воды в рот набрав. Наконец Рэнд решил сам затронуть тему, интересовавшую их обоих: – Вы, должно быть, знаете, что я весьма заинтересован в том, чтобы вы вложили деньги в мое следующее плавание. Я надеялся, что ваше предложение было сделано от души. И я считал, что вы в курсе, на каких условиях я получал деньги от своих прежних поручителей.

– Поручителей? – презрительно сморщился Стрикленд. – Они игроки, а я нет. Я хочу получить кое-что взамен тех денег, которые согласен вложить в ваше начинание. И мне нужно гораздо больше, чем ваши заверения в том, что я со временем получу свою долю от сокровища Гамильтонов – Уотерстоунов. То, что сокровище существует на самом деле, – всего лишь легенда. И я иду на громадный риск, полагаясь на ваше слово, капитан. К тому же у вас нет никаких гарантий, что, даже отыскав клад, вы по праву будете признаны его владельцем.

– Но я Гамильтон!

– Мало ли на свете Гамильтонов! Сотни! Или, вернее, тысячи. Не все же они потомки тех самых Гамильтонов – Уотерстоунов, верно?

Уголок рта Рэнда дернулся.

– Об этом стоит подумать. Впрочем, с таким же успехом можно оспаривать тот факт, что все мы потомки Адама.

Стрикленд одобрительно поднял бокал.

– Превосходно! Ладно, оставим Дарвина в покое. Я решил поверить вам на слово, капитан. – Опрокинув содержимое своего бокала в рот, он подлил себе еще, но на этот раз совсем немного.

– В любом случае, – продолжал Рэнд, – сокровище Гамильтонов – Уотерстоунов принадлежит не одному наследнику, а двоим, и я уверен, вам это известно. Или вы считаете, я об этом не думал?

– Мне нужны гарантии. В конце концов, вы ведь американец. А сокровище... это наша легенда.

– И моя, сэр. Ведь Джеймс Гамильтон как-никак был моим прадедом. Именно его внук обосновался в 1626 году в Южной Каролине. Его сын, внуки, правнуки – все родились уже там, в «Хенли».

– «Хенли» – это ваша плантация?

– Была, – поправил Рэнд. – Новый владелец переименовал ее в «Конкэд»³.

– «Конкэд»? – нахмурившись, переспросил Стрикленд.

– Я так сказал? – Горькая улыбка на мгновение искривила губы Рэнда. На лице появилось притворно невинное выражение. – Я хотел сказать – «Конкорд»⁴. Поверьте, это простое совпадение. Оррин Фостер долго ломал себе голову, как же назвать нашу «Хенли», пока не нашел то, что пришлось ему по душе. – «И уж негодяй постарался, чтобы мне стало известно об этом как можно скорее», – добавил он про себя.

– Еще один повод для вас поторопиться с поисками клада, – заметил герцог. Отодвинув назад кресло, он встал и подошел к камину. Поставив бокал на каминную полку, Стрикленд долго смотрел на пляшущие языки пламени, потом подбросил в огонь еще одно полено. Когда он наконец обернулся, брови его были задумчиво сдвинуты. – Скажите мне, капитан, если бы «Хенли» все еще принадлежал вам, были бы вы так же заинтересованы в том, чтобы отыскать клад, как сейчас?

³ Завоеванная, покоренная (англ.).

⁴ Согласие, мир (англ.).

Рэнд давным-давно уже задавал этот вопрос самому себе. И поэтому теперь он ответил не задумываясь:

– Нет, это с самого начала была идея Шелби. Мы с Дэвидом вечно смеялись над ним. Еще детьми мы втроем постоянно играли в поиски клада, и по условиям игры его должен был отыскать Шелби. – Опершись локтями о колени, Рэнд опустил голову на руки. Потом рассеянным жестом взболтал в бокале янтарную жидкость. – Честно говоря, ваша светлость, долгие годы я сам не верил в существование сокровища. Думаю, не верил в это и отец. Прадеда своего я никогда не знал, но, по семейным преданиям, наш предок очень походил на моего брата Шелби. Не знаю, верил в это кто-то еще из нашей семьи или нет. Дядья? Нет, во всяком случае, не знаю никого, кто был бы озабочен поисками клада.

– Кроме вас самого.

Рэнд кивнул, улыбка его стала мрачной.

– Кроме меня.

– А сейчас? Сейчас вы верите в то, что он существует?

– Приходится верить, а как же иначе? – беззаботно хмыкнул Рэнд. – А то получается, что я потратил последние десять лет впустую.

На лице герцога появилось задумчивое выражение.

– Признаться, вы не производите на меня впечатление человека, способного гоняться за призрачной мечтой. Иначе вы отказались бы от поисков клада в самом начале. Уж конечно, можно было бы придумать более реальный способ заполучить назад вашу «Хенли».

Рэнд пожал плечами, подумав, уж не считает ли Стрикленд убийство «более реальным» способом вернуть назад свое состояние.

– Возможно, вы правы.

– Уверен, что прав, – угрюмо бросил герцог. – Точно так же, как уверен, что у вас есть еще кое-какие сведения, только вы предпочитаете о них не распространяться. Но это семейная черта: Гамильтоны никогда никому не доверяли.

– Сами мы предпочитаем называть это осторожностью. Достаточно вспомнить Уотерстоунов, чтобы понять, почему у Гамильтонов появилась эта черта.

– Вы имеете в виду то, что семья Уотерстоунов никогда не делала тайны из того, что имеет отношение к кладу?

– Я имею в виду то, что семьи Уотерстоунов больше не существует. Последний из них умер лет двадцать назад, здесь, в Лондоне, от ножа какого-то вора, захотевшего завладеть его тайной.

Герцог испытующе посмотрел в глаза Рэнду.

– Кое-кто тогда поговаривал, что этот вор носил фамилию Гамильтон. Или был их наемником.

Рэнд пожал плечами.

– Слышал я эти сплетни. Это ведь естественно, учитывая вражду, существовавшую некогда между Джеймсом Гамильтоном и Генри Уотерстоуном. По семейному преданию, Гамильтон-то и покинул Англию навсегда лишь для того, чтобы уберечь жену и детей от ножа Уотерстоуна. Лично я думаю, что он просто хотел, чтобы ни один из его потомков не связал себя с кем-то из Уотерстоунов узами брака.

Вернувшись к столу, герцог сел, на этот раз придвинув кресло вплотную к Рэнду.

– И теперь передо мной стоит один вопрос, – проговорил он. – Действительно ли возможно отыскать сокровище без помощи кого-то из Уотерстоунов?

– Вы имеете в виду заклятие Уотерстоунов?

– Да, – кивнул Стрикленд. – Эта запись... она у вас? Рэнд хохотнул.

– А вот на этот вопрос, ваша светлость, я предпочитаю не отвечать!

– Ну а заклятие Гамильтонов? По крайней мере оно у вас есть?

Рэнд гадал, известно ли Стрикленду что-нибудь или же он просто прощупывает почву. Настало время выяснить все до конца. Поставив бокал, Рэнд откинулся на спинку кресла и пристально посмотрел на герцога.

– А теперь позвольте спросить вас, ваша светлость: откуда вдруг такой интерес к этому кладу?

– Клад принадлежит Англии, – проворчал тот.

– Думаю, испанцы вряд ли согласились бы с вами. По семейному преданию, сокровище вначале принадлежало им.

– Да, – подтвердил герцог. – Но тогда, черт возьми, почему они не уберегли его?!

Закинув голову, Рэнд захохотал.

– А как же мой собственный предок? И Генри Уотерстоун? Они ведь тоже не уберегли его, верно?

– Но они хотя бы пытались! И если бы не их проклятая размолвка, большая часть этих сокровищ уже пополнила бы сундуки королевы!

– Может быть, именно этого они и старались избежать. – Рэнд заметил, что герцог напрягся. – А что, это никогда не приходило вам в голову? Уж конечно, не они первые, не они последние пытались пополнить не только королевскую казну, но и собственный карман! Может, вам кажется, что я не должен кидаться такими словами или что мой долг – изобразить хотя бы некоторое смущение, но ведь с тех пор прошло бог знает сколько лет, ваша светлость. Да и к тому же, будучи скорее американцем, нежели англичанином, я горжусь тем, что ваш король остался с носом.

Стрикленд выглядел совершенно раздавленным. Чтобы дать ему время прийти в себя, Рэнд поднялся и забрал с каминной полки бокал герцога. Потом наполнил его виски и протянул Стрикленду.

– Не могу сказать, что мне все равно, возвратите вы свою долю клада в Британский музей или в казну. Но если вы решитесь финансировать мое плавание и мы найдем клад, распоряжайтесь им как вам заблагорассудится.

– А что, если правительство Испании заявит на него свои права?

– Что тогда? Да ни один суд в мире, разве что в самой Испании, не примет это всерьез. Как вы сказали, какого черта они не уберегли его?

Тонкие губы герцога раздвинулись в слабой улыбке. Он поднял бокал, одобрительно кивнул Рэнду.

– Дьявольщина, вы правы! И меня это устраивает! – Одним глотком он опорожнил бокал. – Итак, на чем мы остановились?

Рэнд подумал, что виски явно пошло герцогу на пользу.

– Думаю, пришло время обсудить, какую сумму вы рассчитываете вложить в мою экспедицию.

– Как и раньше – три тысячи фунтов.

Рэнд ничего не сказал в ответ. Предложение было щедрым, и Стрикленд это знал, но смахивало на подкуп.

– Что ж, ладно, – заявил Стрикленд, приняв молчание капитана за нерешительность. – Четыре тысячи, но больше ни пенса.

– А ваши условия? Они тоже не изменились?

– Третья часть клада, а не четверть. И моя крестница должна отправиться вместе с вами. Нетерпеливым движением Рэнд вскочил, с грохотом оттолкнув кресло.

– Нет! – Он машинально оглянулся, словно ожидая увидеть там Клер Банкрофт, все такую же спокойную, молчаливую и незаметную, как и прежде. Потеряв терпение, Рэнд чертыхнулся и запустил пятерню в густую гриву медно-рыжих волос. Закусив от досады губу, он устался в пол.

– Вы даже не спрашиваете, почему я на этом настаиваю? – вкрадчиво поинтересовался герцог.

Рэнд поднял глаза.

– Вы ничего не поняли, если думаете, что это имеет какое-то значение. Мой ответ – нет, таким он и останется. Я не собираюсь нянчиться с мисс Банкрофт и не собираюсь просить об этой услуге кого-то из своих людей. Пусть в Англии приходит в себя после несостоявшейся помолвки, грустит над сломанным ногтем или оплакивает потерянный веер...

– Похоже, вы иронизируете над моими словами о выпавшем на ее долю испытании.

В тоне, которым это было сказано, слышалось нечто угрожающее, и это не ускользнуло от внимания Рэнда. По-видимому, когда Стрикленд упоминал о проблемах в жизни мисс Банкрофт, он о многом умолчал...

– Прошу извинить, – коротко бросил Рэнд, невольно смутившись. – С моей стороны бестактно обсуждать эту тему. Тем более что меня это не касается. Но в плавание я ее не возьму.

– А что, если бы она была мне не крестницей, а крестником, капитан Гамильтон? Что бы вы сказали тогда?

– То же самое. – Однако было очевидно, что Стрикленд сомневается. – Вы мне не верите? – уточнил Рэнд. – То же самое я сказал бы, если бы речь шла о вашей собственной кандидатуре. – Похоже, герцог заинтересовался. – Ни одному человеку, вложившему деньги в эту экспедицию, не будет позволено принять в ней участие. Вы сами нашли меня, ваша светлость. Что ж, теперь буду искать я, поближе к дому. Джон Маккензи Уорт, как я слышат, также заинтересовался этим предприятием. А кроме него, есть еще Карнеги, Вандербилт, Раштон Холидей...

– Судя по всему, вы не побрезгуете принять деньги от янки.

– Ничуть, но там условия буду ставить я. А это значит, что никто не будет сопеть мне в затылок, совать нос в мои дела или, того хуже, никому не удастся урвать кусок от принадлежащего мне сокровища.

– Бог ты мой! – тихо протянул Стрикленд. – До чего ж вы, Гамильтоны, подозрительные люди! Я не для того хочу послать с вами свою крестницу.

– Нет? – Слово это вырвалось помимо его воли. Но Рэнд тут же спохватился: – Нет-нет, никаких объяснений! Знать ничего не хочу!

– Стало быть, вы намерены отказаться от того шанса, который я готов вам предоставить, и приметесь искать средства на стороне?

– В своем письме вы упоминали, что готовы возместить мне расходы на поездку в Англию, даже если сделка не состоится.

– Да, разумеется, я готов немедленно выписать вам чек, раз вы этого хотите.

– Буду весьма признателен. Стрикленд медленно поднялся.

– Осмелюсь заметить, что я очень разочарован, капитан. Я рассчитывал, что вы окажетесь более сговорчивым.

Улыбка, тронувшая губы Рэнда, не отразилась теплом в его глазах.

– Что ж, я тоже питал кое-какие надежды, ваша светлость. Герцог смущенно отвел глаза и неловко откашлялся.

– Что ж, раз так... – Выдвинув один из ящиков стола, он вытащил чековую книжку и быстро выписал на имя Рэнда чек.

Гамильтон мельком взглянул на проставленную там сумму.

– Это слишком много, значительно больше, чем я потратил.

– Надеюсь, вы примете эти деньги. И не думайте, что я рассчитываю получить что-то взамен. – Он смотрел, как Рэнд складывает чек и прячет его в карман сюртука. – Когда вы намерены покинуть Лондон?

– Я дал команде отпуск на две недели. Им казалось, что незачем ждать так долго, но мне некуда торопиться. Тем более что Королевское географическое общество предложило мне сделать доклад о моих путешествиях в южной части Тихого океана.

– Я слышал об этом, – кивнул Стрикленд. – Поздравляю. Они приглашают далеко не каждого. И очень редко – не англичан.

В голову Рэнда закралось неясное подозрение, уж не приложил ли к этому руку сам герцог. Кто-то из его семейства был членом общества чуть ли не с момента его основания. Впрочем, он уже понял, что изъявления благодарности Стрикленду не нужны.

– Очень почетно, что мой скромный вклад в развитие географии будет отмечен в стране моих предков.

– Я бы не назвал его скромным, капитан.

– Ну, мои наблюдения вряд ли будут иметь такой шумный успех, как труды Дарвина, а мои исследования меркнут в свете открытий Бертона. Но мне выпало счастье изменить общепринятый взгляд на взаимодействие человека и окружающей среды.

Лицо герцога стало задумчивым.

– Слушая вас сейчас, я почти готов поверить, что легенда о сокровище Гамильтонов – Уотерстоунов для вас не более чем забава. – Его бледно-голубые глаза вновь остановились на лице Рэнда. Он будто видел его впервые. – Вы ведь получили естественно-научное образование? Еще здесь, в Англии? Я не ошибся?

Рэнд начал подозревать, что герцог в этом и не сомневался. Похоже, он выяснил о нем абсолютно все. Впрочем, это неудивительно – вряд ли он доверил бы четыре тысячи фунтов и свою драгоценную крестницу человеку, о котором ничего не знал.

– В Оксфорде, – подтвердил Рэнд. – Мою учебу прервала война.

– И вы не вернулись? Потом?

– Нет. Дальше я уже учился самостоятельно.

– Но насколько я знаю, вы так и не завершили своего образования?

– Завершил – на борту «Цербера». – «А также на полях Геттисберга», – хотелось ему добавить. В тот год он многое узнал о природе самого человека, но ни говорить, ни писать об этом не собирался. Он вообще мечтал забыть об этом.

– А вы не жалеете, что так и не окончили Оксфорд?

– О чем я жалею, так это о том, что мне не выпал шанс учиться под началом Абернети, или Банкрофта, или Сонненфилда. Они преподавали у третьекурсников и... – Рэнд осекся. Глаза его сузились, взгляд был прикован к лицу Стрикленда. – Банкрофт?!

Герцог поднял брови.

– Да?

– Сэр Гриффин Банкрофт преподавал в Оксфорде ботанику. Он знаменит тем, что открыл семь новых видов лекарственных орхидей.

– Я бы сказал, что к настоящему времени это число перевалило за две дюжины, – с искренним восхищением подтвердил Стрикленд. – Он не преподает уже почти семь лет. Держу пари, он не теряет времени даром. Банкрофт всегда был на редкость талантлив.

– Он учился в Америке.

– Да, туда же он и вернулся, когда оставил Англию. Сунув руку в карман сюртука, Рэнд вытащил чек и молча протянул его Стрикленду. Но когда герцог не принял его, Рэнд просто положил чек на стол.

– Вы не имели права... я мог просто уехать и так ничего и не узнать, – заявил он. – Этого слишком много для того, чтобы не ждать ничего взамен. – Широкими шагами он пересек комнату и открыл дверь. Рэнд уже переступил порог, когда услышал за спиной насмешливый голос:

– Слишком много за то, чего ждешь, не бывает.

Рэнд Гамильтон не сразу вернулся в снятый им дом на Бичер-стрит. Сначала, побывав на «Цербере», он сообщил команде нерадостную весть о том, что в ближайшее время им не на что надеяться. И сказал, что не станет их винить, если они подыщут себе другой корабль. Но вместо этого моряки, скинувшись, вместе со своим капитаном отправились в портовую таверну. Там они как следуют напоили его и вдобавок купили ему шляху. Во всяком случае, Рэнду хотелось верить, что они ей заплатили.

Опершись на локоть, он медленно потянул за край простыни, прикрывавший лицо женщины. Веки ее слегка дрогнули, но она не проснулась. На вид она была довольно хорошенькая, темноволосая, с пухлыми губками. Рэнд со вздохом прикрыл ей лицо. «Слава Богу, достаточно взрослая, – угрюмо подумал Рэнд, испытывая нечто вроде признательности к друзьям, поставшимся его утешить. – Лишь бы только была здорова».

Приподнявшись, он сел и тут же со стоном схватился руками за голову.

– Господи, – прохрипел он, закрывая глаза, – что за пойло они влили мне в глотку?!

– А никто и не вливал, кэп. Ты сам сосал ром как миленький, и уговаривать не надо было.

Стараясь поменьше двигать немилосердно трещавшей головой, Рэнд медленно обернулся. Потом опустил глаза, с трудом сфокусировав их на женщине.

– А я думал, ты спишь.

– Я и спала, – ответила она, – до того, как тебе пришло в голову осмотреть свое приобретение. – Улыбнувшись, она приоткрыла два ряда совершенно здоровых, но слегка кривоватых зубов. – Ну и как, я тебя не разочаровала, нет? – Она рывком села, не обращая внимания на то, что простыня спустилась, обнажив ее почти до талии. – Какие славные яблочки, верно, кэп? Давай, не стесняйся, потрогай их!

– Это очень мило с вашей стороны, мисс... Хихикнув, женщина откинула назад голову, и волосы ее разметались по спине.

– Джери Эллен. У меня два имени, кэп: одно – в честь отца, другое – в честь матери. Ну же, не сидите таким бирюком! Мне хочется, чтоб меня потискали!

– Слушай, Джери Эллен, руки мне самому сейчас нужны – голову держать. Но все равно – спасибо за щедрое предложение.

Судя по всему разочарованная, она покусала нижнюю губу.

– Так ты что же... побаловаться не хочешь?

Рэнд попытался покачать головой, но тут же взвыл от боли и решил впредь изъясняться словами, а не жестами.

– Только не сегодня.

Изобразив комическое отчаяние, Джери Эллен с размаху опрокинулась на спину и закрыла лицо руками.

– Держу пари, теперь ты потребуешь свои деньги назад! А мне что тогда делать, интересно? Чарлз ведь знает, что я провела тут всю ночь. И ждет меня с деньгами. Как я покажусь ему на глаза, коли у меня в кармане вошь на аркане, а?!

– Стало быть, тебе заплатили? Женщина приоткрыла лицо.

– Сразу же! А ты что – ни черта не помнишь?

– Полный провал, – смущенно подтвердил Рэнд. Джери Эллен широко улыбнулась, потом удовлетворенно кивнула и одним прыжком выскочила из постели. Поспешно собирая разбросанную повсюду одежду, она, похоже, даже не заметила, что от толчка Рэнд чуть было не свалился с постели.

– Тогда все прекрасно! И кому какое дело, верно? Ты классный любовник, кэп! Трахнул меня подряд целых три раза, да так, что мне теперь и сесть-то трудно, хотя скажу тебе как на духу, люблю большие! Да и на что мне парень, коль у него гороховый стручок?! А вот тебя я долго не забуду – понимаешь, о чем я? – Она трещала как сорока, не переставая в то же самое время торопливо натягивать на себя одежду. – И пусть только кто попробует усомниться в том,

что нынче ночью мне повезло! – крикнула она напоследок, погрозив кому-то кулаком. Потом озорно подмигнула Рэнду. – Ну, тебе по крайней мере грех жаловаться, верно?

Рэнд невольно улыбнулся. Одна мысль о том, что он мог попользоваться этой нахальной девкой, да еще три раза подряд, заставила бы его хохотать во всю глотку... если бы это было ему под силу.

– Три раза! – хмыкнул он. – Подумать только!

– Да я побожусь, что так оно и было! – хихикнула женщина, побренчав в кармане полученными накануне монетками. – А за меня ты не волнуйся – мало ли у меня дружков? Коли приспичит, любой будет рад удружить. Ой, да ведь уже поздно! Пора бежать, а то Чарлза удар хватит. – Поддернув юбку, она принялась натягивать на длинную, стройную ногу чулок.

– Чарлза? – переспросил Рэнд. – Ты что-то о нем говорила...

– Он присматривает за мной.

– Твой сутенер?

– Можно сказать и так. Но самому ему больше по душе называть себя моим защитником. – Сморщившись, она натянула туфли, которые были ей явно тесноваты. – У-ух! Вот куда пойдут твои деньжата, кэп! Первым делом куплю себе новые туфли!

– Лучше уж панталоны, они бы тебе не помешали, – проворчал Рэнд и слегка отшатнулся, когда женщина, задрав юбки, затрясла ими у него перед носом.

– На черта мне панталоны?! А это что, по-твоему? А ну гляди! – Вытянув ногу, она уперлась ею в край постели и почти что уселась на шпагат, отчего ее ветхим панталончикам тут же пришел конец – не выдержав, они с треском лопнули. Дрыгнув ногой, Джери Эллен заставила их взлететь в воздух, потом легко поймала и раскланялась, словно балерина на глазах у восхищенной публики. Ошеломленный Рэнд и глазом моргнуть не успел, как Джери Эллен снова ловко натянула их и, задрав юбки на голову, продемонстрировала ему обтянутые панталонами бедра. – Признайся, кэп, мало кто из девок согласился бы устроить тебе представление, вместо того чтобы переспать! Да еще за ту же цену!

– Боюсь только, сегодня я не в силах в полной мере оценить твои таланты!

– Все в порядке, сэр. – Она покровительственно похлопала его по плечу, мимоходом чмокнув в лоб.

При этом ее грудь едва не выпрыгнула наружу из слишком тесного корсажа. – Только в следующий раз, когда захочешь повидать меня, не налегай сперва на ром, идет? И уж тогда я не удивлюсь, если у нас дело и до четырех раз дойдет.

– Я постараюсь.

Но Джери Эллен была настроена философски.

– Мужчины – такие обманщики! Ну да что с вами делать! – Она пожала плечами. – Доброго тебе утра, кэп.

Он и глазом не успел моргнуть, как она уже была за дверью и с силой грохнула ею об косяк, само собой, не услышав, как Рэнд из последних сил молил пощадить его.

Рэнд со стоном осторожно опустился на подушки. «Что ж, по крайней мере не нужно волноваться, что нынче ночью я подцепил какую-нибудь дрянью», – подумал он.

Прошло несколько часов, прежде чем Рэнд нашел в себе силы спустить ноги с кровати. Его не удивило, что проснулся он не в таверне, где они пили накануне. Улучив момент, Рэнд оделся и выскользнул, стараясь не замечать понимающих взглядов, которыми обменивались прохожие, но, увидев впереди Ллойда, поспешно развернулся и зашагал в противоположном направлении. Дом, который он снимал в Лондоне, теперь стал роскошью, которую он больше не мог себе позволить. Сейчас он даже себе самому вряд ли смог бы объяснить, что заставило его вернуть Стрикленду чек. Тогда был уверен, что прав, а теперь проклинал себя за глупость.

Войдя в прихожую, Рэнд тихонько прикрыл за собой дверь, потопал ногами, стряхивая грязь с башмаков, потом снял пальто и повесил его на крючок. Шум разбудил Катча и заставил его выглянуть из кухни посмотреть, что происходит.

– Вернулся, – пробурчал он, оглядев Рэнда с головы до ног. – Выглядишь неплохо... для человека, который всю ночь хлестал ром да валялся со шлюхами.

– Знал бы ты, как у меня голова трещит!

Ростом никак не меньше семи футов, Катч был чуть ли не единственным известным ему человеком, кто мог поглядывать на Рэнда свысока. И он давным-давно научился этим пользоваться. Вот и сейчас, подойдя почти вплотную, так что Рэнду пришлось задрать голову вверх, он подозрительно повел носом и презрительно фыркнул, вглядываясь в бледное лицо и мутные глаза капитана.

– Неудивительно, что тебе так тошно! Нечего пить всякую дрянь! Наверное, остальным так же паршиво, как и тебе?

– Понятия не имею – я еще не видел никого из команды. Они вчера бросили меня, а сами ушли. Мне не удалось раздобыть денег, Катч. – Заметив, как черные густые брови Катча поползли вверх, Рэнд сообразил, как именно тот мог понять его слова. – Нет-нет, я не то хотел сказать! Они бросили меня не потому, что я не нашел денег, наоборот: узнав о том, что мой план потерпел неудачу, они решили утешить меня – напоили до беспамятства, а потом еще подсунули шлюху. А ушли они просто потому, что на «Цербере» дел по горло, а от меня было мало толку.

Изборожденный морщинами лоб Катча разгладился.

– От тебя и сейчас толку чуть, но к тебе пришли. – Он широко улыбнулся. Блеснули белоснежные крупные зубы, в горле заклокотал хриплый смешок. – Не переживай – деньги найдутся. Вот хотя бы тот, кто тебя ждет... потолкуй с ним.

Рэнд чуть слышно чертыхнулся – в том состоянии, в котором он пребывал, ему меньше всего на свете хотелось видеть Стрикленда.

– Мне нужно переодеться.

– Примерно так я и думал, поэтому в ожидании твоего появления решил приготовить тебе ванну. Конечно, это было около часу назад, но вода, наверное, еще не совсем остыла. Так что поторопись. Наш гость сказал, что не уйдет, не поговорив с тобой. Он повторил это несколько раз. Ты иди, а я сейчас отыщу тебе что-нибудь для твоей головы. – Катч ткнул пальцем в направлении лестницы. – Может, тебя отнести?

Рэнд ответил ему кислым взглядом.

– Спасибо, дружище. Думаю, а справлюсь сам.

Даже не стараясь скрыть насмешливый огонек, мерцавший в его карих глазах, Катч смотрел, как Рэнд заковылял вверх по лестнице. Ничего, он знает такое средство, от которого всю хворь с капитана как рукой снимет.

Вода уже почти остыла, но Рэнду было наплевать. Сцепив зубы и задержав дыхание, он залпом проглотил какую-то отвратительную смесь, которую принес ему Катч. Ему и раньше доводилось пару раз прибегать к этому поилу, но Катчу никогда не приходило в голову сказать, из чего оно состоит, а Рэнд благоразумно не спрашивал, предпочитая считать, что основными ингредиентами этой гадости являются томатный сок и сырое яйцо. Лучше было даже не думать о том, отчего у этой гадости такой омерзительный запах и почему после нескольких глотков с него начинается ручьем лить пот, как с загнанной лошади.

Намыливаясь, он слышал, как рядом, за стеной, где была его спальня, топает Катч, собирая ему свежую одежду и белье. Сколько Рэнд ни напрягал свою память, он никак не мог вспомнить того времени, когда бы рядом с ним не было Катча. Казалось, он служит в их семье с незапамятных времен. Его собственный возраст определить было невозможно, хотя, принимая во внимание, сколько лет он провел в семье Гамильтонов, можно было предположить, что ему

уже далеко за пятьдесят. Именно отец Рэнда выправил ему необходимые бумаги, превратив бывшего раба в свободного человека, а случилось это лет за двадцать до того, как началась гражданская война. Нельзя сказать, что это решение далось Эндрю Гамильтону легко, но Катч спас юного Дэвида, когда тот тонул, а разве был лучший способ отблагодарить раба, чем вернуть ему свободу? Тем не менее Катч решил остаться с ними. Он отметил свой новый статус свободного человека тем, что обрил себе голову и с тех пор всегда ходил только так.

Приняв ванну и натянув на себя свежее белье, Гамильтон почувствовал себя заново рожденным. Пока бывший раб суетился вокруг него, оправляя одежду, Рэнд молча разглядывал свое отражение в большом зеркале. Наконец Катч отпустил его. Рэнд машинально пригладил топорщившиеся на висках непокорные рыжие кудри, поправил галстук, позволив слишком длинным волосам свободно спадать на шею. Отряхнув невидимые пылинки с рукавов и воротника камзола, Катч объявил, что все в порядке.

– Ты... э-э-э... уж будь так добр – спрячь в карман свою проклятую гордость и возьми деньги, – посоветовал он.

Взгляды их встретились в зеркале.

– Может быть, этот твой гость явился сюда не для этого. Катч повел широкими плечами.

– Уж не знаю, что тогда могло заставить кого-то тащиться в такую даль, если не желание поучаствовать в нашем дельце.

Рэнда все еще терзали сомнения, но настроение его улучшилось настолько, что сейчас он мог даже без особого раздражения думать о свидании с герцогом.

– Ладно, там видно будет. Лучше позаботься о том, чтобы туда подали чай.

– Уже сделано.

Вниз по лестнице Рэнд спускался куда более твердыми шагами, чем поднимался. На пороге гостиной он обернулся и ободряюще подмигнул Катчу, только в последний момент заметив, что тот улыбается как-то уж слишком слащаво. Но лишь закрыв за собой дверь, Рэнд догадался, что ему не померещилось. И понял почему.

– Доброе утро, – учтиво произнес он. – Мисс Банкрофт, если не ошибаюсь?

Клер Банкрофт молча кивнула. Услышав скрип открываемой двери, она привстала. Но потом, увидев Рэнда, снова забилась в уголок дивана.

– Ваш слуга сказал, что вы не станете возражать, если я вас подожду.

Рэнд пропустил мимо ушей извиняющиеся нотки в ее голосе. Если уж она считала, что ее приход для него – лишь досадная помеха, могла бы оставить визитную карточку и отправиться восвояси. Так что свои извинения леди может оставить при себе.

– Катч всегда решает за меня, – сказал он и вдруг заметил, как она слегка дернулась и на щеках у нее вспыхнули яркие пятна. И в ее невзрачной внешности мгновенно произошла ошеломляющая перемена.

Усевшись за крохотный столик, на котором Катч успел сервировать чай, Рэнд наполнил до краев свою чашку, добавив ложечку сахара. Похоже, Клер Банкрофт постаралась не упустить ни одного его движения, хотя и пыталась делать это незаметно. Ко всему прочему она избегала смотреть ему в глаза, невольно отметил про себя Рэнд.

– Хотите чаю? – учтиво спросил он.

– Нет, благодарю. – Скромно положив руки на колени, мисс Банкрофт наконец соизволила посмотреть в его сторону.

Устроившись напротив нее в удобном кресле, Рэнд поднес к губам чашку, сделал большой глоток и чертыхнулся про себя, разозлившись, что велел подать чай, а не кофе. «А все эта мисс Банкрофт со своими проклятыми английскими вкусами», – подумал он угрюмо. Разве

какой-то «Дарджелинг»⁵ может заменить тот восхитительный ароматный кофе, который варит Катч?!

– Чем могу быть полезен, мисс Банкрофт?

– Стикль сказал, вы отвергли его предложение. Рэнд озадаченно моргнул.

– Стикль?! – Ему показалось, что он ослышался. – Уж не хотите ли вы сказать, что называете Эвана Маркхэма, восьмого герцога Стрикленда, просто Стикль и вам это сходит с рук?!

Клер снова почувствовала, как запылали огнем ее щеки, но подавила в себе желание прикрыть лицо руками.

– Но он же мой крестный! – объяснила она. – Малышкой я не могла выговорить его имя и называла Стикль. Между прочим, он не такой чванливый, как, может быть, показался вам с первого взгляда.

– Тогда мы с вами просто не сходимся во мнении, – проворчал Рэнд, – и мне придется поверить вам на слово. Это он попросил вас прийти сюда?

– Конечно же, нет, – возмутилась она. – Сомневаюсь, что ему вообще известно, где я сейчас. Вряд ли ему это понравилось бы. Он предложил, чтобы я послала вам записку с приглашением снова прийти к нему, но мне показалось, что вы едва ли захотите это сделать. – Помявшись, она нерешительно подняла на него глаза. – Я угадала?

– Н-не знаю. Клер кивнула.

– Стало быть, я была права, что решила не полагаться на случай. Не всегда ведь можно рассчитывать на удачу, верно?

– Лично я верю только в то, чего добиваюсь своими силами, – согласился Рэнд.

На губах ее появилась слабая улыбка, но глаза по-прежнему оставались холодными.

– Да, вы абсолютно правы. – Возле нее на диване стояла небольшая сумочка. Клер открыла ее, извлекла подписанный Стриклендом чек и протянула его Рэнду. – Нам с крестным было бы приятно, если бы вы приняли это, – пробормотала она. – И не считайте, пожалуйста, что вас это к чему-то обязывает. – Клер умоляюще подняла на него глаза. – Прошу вас, сэр, возьмите.

Ей показалось, время тянется нестерпимо долго. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем Рэнд осторожно потянул к себе чек. Сразу вздохнув свободнее, Клер откинулась на спинку дивана.

– Спасибо. Я, признаться, боялась, что вы откажетесь. Конечно, приятно думать, что никто никому не должен, но надо же учитывать и ваши чувства. Я сказала крестному, что, выписав чек на столь крупную сумму, он поставил вас в неловкое положение. Поверьте, ему и в голову не приходило задеть вашу гордость – герцог просто хотел компенсировать ваши расходы.

Девушка замолчала. В комнате повисла неловкая тишина. «Неужели я снова ненароком оскорбила его? – гадала Клер. – Что произошло?»

– Капитан?

Рэнд разжал пальцы – клочки изорванного чека, кружась, медленно опустились на ковер. Веки Клер даже не дрогнули. Казалось, она этого не заметила. Рука его слегка дрожала, когда он снова поднес к губам чашку.

– Когда вы собирались открыть мне, что слепы, мисс Банкрофт?

⁵ Сорт чая.

Глава 2

На губах Клер Банкрофт появилась слабая, чуть ироничная улыбка.

– А у вас острый глаз, капитан Гамильтон. Но я и не пыталась это скрывать. Мне казалось, моя слепота настолько бросается в глаза, что вы это сразу заметите.

Теперь-то он и сам недоумевал, почему не заметил очевидного с самого начала. Судя по всему, Клер была достаточно умна, чтобы не забывать о том, что отделяло ее от остального мира. Ее манеру никогда не смотреть ему прямо в глаза он принял за застенчивость. А в эту минуту, будто догадавшись о том, как он смущен, она вызывающе вздернула подбородок, и от этого ему стало совсем неловко.

Рэнд почему-то был уверен, что она слепая не от рождения. Миндалевидные глаза Клер были оттенка густого шоколада, радужная оболочка и зрачок были ясными. Ему вдруг пришло в голову, что слепота настигла ее внезапно, может быть, даже не так уж давно. На вид ей было не больше двадцати пяти лет. «Когда она в последний раз видела окружавший ее мир? – гадал он. – И что было ее последним впечатлением, прежде чем темная пелена закрыла от нее солнечный свет?»

– Давно ли... – начал он и окончательно смешался.

– Восемнадцать месяцев, – ответила Клер. – Наверное, вы удивлены. Обычно все удивляются. Из тех, кто решается спросить, конечно.

«Может быть, это и есть то испытание, о котором упомянул Стрикленд?» – подумал Рэнд.

– Вы только из-за этого и пришли сюда? Чтобы вернуть чек? – Какой смысл было говорить о том, что он порвал его? Герцог, конечно, заподозрит неладное, когда узнает, что чек так никогда и не был предъявлен к оплате. А Клер Банкрофт, даст Бог, ничего не узнает.

По лицу Клер было заметно, что она колеблется. Еще сидя в экипаже, она репетировала речь. И пока ждала его появления, много раз повторяла про себя те слова, которыми надеялась умолить его исполнить ее просьбу. И вот теперь, когда ей представилась такая возможность, Клер вдруг почувствовала, что во рту у нее пересохло и слова не идут с языка. А слепота, к которой она так и не сумела привыкнуть, делала ее особенно незащитной. Клер всегда слишком давала волю воображению, и сейчас то, что представлялось ей, не имело ничего общего с тем, что она увидела бы, если б могла это сделать. Смелость покинула ее уже тогда, когда ей пришлось столкнуться с человеком, которого Рэнд называл Катч. Ей он почему-то представился глыбой из черного обсидиана, и, как она ни старалась, ей никак не удавалось выкинуть эту мысль из головы.

С капитаном Гамильтоном все было по-другому. Его самоуверенные манеры граничили чуть ли не с дерзостью, к тому же она уже успела понять, что с ним порой трудно договориться. Почему-то при мысли о нем ей вспоминались каменные изваяния, виденные ею в Полинезии. Клер представила его лицо – тоже словно высеченное из камня грубым резцом, суровое и безжалостное.

– Я пришла еще раз попытаться уговорить вас изменить решение, – с трудом выговорила она. – Вы ведь не только искатель приключений, а еще и человек науки. И я надеялась, что вы, кроме всего прочего, еще и человек рассудительный.

– В своем желании польстить вы явно не преуспели. Я и без ваших комплиментов считал себя рассудительным человеком, мисс Банкрофт.

Несмотря на то что сказано это было на редкость сухо, Клер могла бы поклясться, что уголки его губ дрогнули в улыбке. Может, в конце концов он и не такой уж безжалостный, мелькнуло у нее в голове.

– Стикль сказал, что вам знакомо имя моего отца.

– Ну, я пробыл у вас недостаточно долго, чтобы уловить фамильное сходство между вами и сэром Гриффином, но его имя, конечно же, я знал. Только не сразу догадался, что вы его дочь. Герцог сказал, что ваш отец сейчас где-то в южной части Тихого океана.

– Да, это так. – Клер помолчала. – По крайней мере последняя весточка, которую я получила, пришла оттуда.

Грозно нахмурившись, Рэнд не сразу сообразил, что она не видит его лица.

– Мисс Банкрофт, если вам необходимо организовать экспедицию, которая отправится на поиски вашего отца, почему было не сказать об этом сразу? И зачем вам в таком случае понадобился я?

– Потому что, кроме вас, я не смогла припомнить ни одного человека, кто бы смог справиться с подобной задачей.

– Ммм... кажется, ваша лесть становится более искусной!

– Но я вовсе не собиралась льстить вам, капитан! Я искренне считаю, что вы единственный, кому это удастся. Но в мои намерения не входило вас обманывать – вероятно, моего отца уже давно нет в живых. И хотя я еще не отказалась от надежды увидеть его, однако в какой-то степени смирилась с неизбежным. Но не стану кривить душой – мое желание вернуться в Полинезию связано не с этим.

– А с чем?

– Там мой брат, по крайней мере я на это надеюсь. И хотя я уже почти не верю в то, что отец жив, но остается еще Типу. Может, ему повезло.

– А что случилось? Несчастный случай? Или какая-то болезнь?

Клер покачала головой.

– Точно не знаю. – Она устало потерла виски. В комнате снова воцарилось молчание. – Вы смеетесь надо мной, капитан Гамильтон? Или мои слова сбили вас с толку?

Рэнду и в голову не приходило смеяться.

– Должен признаться, я ошеломлен.

– Тогда вы хотя бы примерно должны понимать, что я испытываю. В моей памяти стерто все, что касается моих последних дней в Полинезии. А может, часов... или недель, не знаю. Первое, что я помню совершенно отчетливо, – это как поселенцы на Райтеа помогают мне выбраться из шлюпки.

– Райтеа? Но ведь это же почти в шестистах милях от Солнечных островов?!

– Почти в семистах. Стикль показал мне это место на карте.

– И вы добрались туда... одна?!

Клер не винила Рэнда за то, что он сомневается. Она порой сама себе не верила.

– Скорее всего да. – Она пожала плечами. – Видите ли, я ведь толком ничего не знаю. Мне сказали, что в шлюпке еще валялся пустой мех, в котором скорее всего была вода. Под ногами рассыпались какие-то крошки, но я ничего не помню. Не хватало одного весла. В шлюпке, кроме меня, никого не было. Кожа моя под солнцем обгорела до волдырей, я умирала от жажды. И весила я вполовину меньше, чем сейчас.

«Господи, да тогда она, выходит, была совсем невесомой! – испугался Рэнд. И почему-то представил ее на палубе „Цербера“. Мягкий океанский бриз играет ее волосами... и вдруг едва уловимый порыв ветра поднимает ее в воздух и уносит за собой... – Тьфу ты черт, – мысленно выругался он. – В холодной Атлантике она бы просто не выжила. И уж конечно, ей никогда не бывать на „Цербере“!»

– И давно это произошло?

– Почти полтора года назад.

Рэнд быстро сопоставил факты – по ее словам, с тех пор как она ослепла, прошло восемнадцать месяцев.

– Это солнце виновато? – осторожно спросил он.

– Большинство врачей считают именно так. Стигль таскал меня от одного к другому – я и счет им потеряла. Точнее, винят во всем ослепительные блики солнца на воде, считают, что они выжгли мне сетчатку. Врачи не оставили мне никакой надежды, утверждая, что я окончательно ослепла.

Рэнд чуть было не ляпнул, что ему очень жаль, – едва успел вовремя прикусить язык. Подобные слова, да еще из уст человека без гроша в кармане, могли быть восприняты как сочувствие. Но было что-то еще... что-то, подсказывавшее ему, что Клер еще не утратила надежду.

– Вы сказали – большинство, – осторожно проговорил он. – А что говорят остальные?

– Не остальные, – ответила она. – Только один. Парижский офтальмолог Антон Мессье верит, что этому есть другое объяснение, а солнце – это, дескать, слишком просто. И моя слепота никак не связана с тем, что мне пришлось перенести. Он считает, что причина кроется тут, в голове. – Она слегка коснулась виска. – А глаза ни при чем.

Рэнд вдруг почувствовал, как в его груди шевельнулась жалость. Бедняжка, обреченная на пребывание в вечном мраке, цепляется за проблеск надежды – мнение одного врача против десятка других.

Клер догадывалась, о чем он думает.

– Вы настроены скептически – это понятно. Его светлость думает точно так же, но он мой крестный и считает, что его долг – поддерживать меня в несчастье.

– Простите, мисс Банкрофт, но не могу не заметить...

Она вскинула руку.

– Когда вы начинаете фразу со слова «простите», это верный знак, что остальное лучше оставить недосказанным. Неужели я выгляжу так жалко, капитан? А если бы это вы, а не я были слепы, могли бы вы с чистой совестью поклясться, что не потянулись бы за морковкой, которой помахал перед вашим носом доктор Мессье? – Клер как будто оттаяла. Щеки ее порозовели. – Я знаю, чем рискую, цепляясь за эту хрупкую надежду. Но если не надеяться, значит, нужно выкинуть белый флаг и согласиться на жизнь в вечной темноте.

Изумленный Рэнд смотрел, как она порывисто вскочила на ноги. Года полтора назад она бы принялась мерить шагами комнату, может быть, подошла к окну, повернулась бы к нему спиной, продолжая говорить. Но сейчас, находясь в незнакомой ей обстановке, она не могла дать волю обуревавшим ее чувствам. Вместо этого Клер стояла, вцепившись пальцами в подлокотник дивана, и только дрожащие руки выдавали ее с головой.

– Если вы представите себе циферблат, то я на шести часах, – невозмутимо произнес он. – В двадцати шагах от вас – окно, оно на двенадцати. Нужно только обойти диван и обогнуть столик.

От изумления ее пальцы перестали дрожать. Голова Клер опустилась, глаза остановились почти на лице Рэнда и немного сузились, как будто она могла видеть его сквозь непроницаемую пелену, что отделяла ее от остального мира. Потом на губах ее появилась слабая улыбка, как будто она догадалась, что он имеет в виду.

– Спасибо, – прошептала Клер. – Я бы никогда не рискнула бродить по этой комнате.

Только теперь он понял, каким испытанием для нее было смиренно сидеть в уголке дивана, поджидая его.

– Тут вряд ли что-то можно убрать, – извиняющимся тоном произнес он. – Видите ли, я ведь снимаю этот дом, так что ничего моего тут нет. – Он следил, как она боязливо обходит стол. Чашка и сахарница угрожающе зазвенели, когда девушка неловко толкнула их рукой.

– Двадцать шагов? – переспросила Клер, обойдя стол.

– Думаю, так. Ведь у вас же не мужская походка, мисс Банкрофт. Иначе я сказал бы «десять».

Выбившаяся прядь каштановых волос Клер спустилась ей на щеку. Нетерпеливо отбросив ее назад, она заправила прядку за ухо и заново переколола шпильку, удерживающую на затылке тяжелый узел волос.

– Я изо всех сил стараюсь вести себя как полагается леди, – сухо пояснила она.

Рэнд поймал себя на том, что ухмыляется. Нет, пока что ему и в голову не приходило изменить свое первое впечатление от мисс Банкрофт, но он уже потихоньку склонялся к мысли о том, что такое может случиться. Во время их вчерашней встречи она даже не пыталась привлечь к себе его внимание. Может быть, стеснялась своей слепоты, но он тут же отбросил это предположение. Скорее всего ее вообще не интересует, как она выглядит. Другая бы на ее месте выбрала для визита бледно-голубое платье, но, видимо, для мисс Банкрофт туалеты не представляли особого интереса. Вероятно, вернувшись в Англию, она принимала участие в выборе своего гардероба, но тут главную роль для нее играла практичность.

Может быть, именно простота платья привлекла внимание Рэнда к ее фигуре, но, как бы там ни было, он поймал себя на том, что с интересом разглядывает хрупкую линию ее спины и плеч, тонкую талию, которую он легко мог бы обхватить двумя ладонями, угадывавшиеся под юбкой длинные, стройные ноги. И походка у нее была на редкость женственная. Клер Банкрофт двигалась с осторожной грацией, и лишь легкая неуверенность выдавала слепоту девушки.

Нашупав подоконник, она подняла руку и дотронулась до холодного стекла.

– На улице по-прежнему туман?

Поднявшись с кресла, Рэнд подошел к ней и встал рядом возле узкого стрельчатого окна.

– Да. Утро было пасмурным, и вечер такой же. А как вы узнали про туман?

– Кучер упомянул о нем, когда усаживал меня в карету. Сказал, что ничего не видит дальше своего носа. – Она слегка передернула плечами. – Я предложила, что могу править сама...

Рэнд расхохотался.

– У вас своеобразное чувство юмора!

– Правда? – Склонив голову, она некоторое время обдумывала его слова. Между тонких, как ниточки, бровей залегла морщинка. – Возможно, – со вздохом согласилась она наконец.

Рэнду показалось, что она его дразнит. Но Клер говорила настолько невыразительным тоном, что трудно было утверждать наверняка.

– Предпочитаете вернуться на диван или будете ходить из угла в угол?

Краска вспыхнула на ее щеках.

– Лучше сяду, – проговорила она. – Не могу же я надеяться, что вы каждый раз будете подсказывать мне, куда идти.

– А я и не пытался. – Рэнд почувствовал, как она вся напряглась, когда он взял ее за локоть, чтобы подвести к дивану, но не выпустил ее. – И не намерен делать этого впредь.

Клер нетерпеливо высвободила руку, от души надеясь, что он не заметит, как ей неприятно прикосновение его пальцев. Люди, к сожалению, часто хотят помочь, но не всегда знают, как это сделать тактично.

– Мне бы следовало спросить, нужна ли вы в моей помощи и желательна ли она, – заметил Рэнд.

Клер поспешно отодвинулась в сторону. Звук его голоса подсказал ей, что он где-то рядом. Она неловко оглянулась в сторону окна, которого не могла видеть, чувствуя себя так, будто попала в ловушку.

– Да, благодарю вас. Я с радостью приму вашу помощь. Видите ли, иногда мне бывает неприятно, когда со мной обращаются, как... – она запнулась, подыскивая подходящее слово, – как с неодушевленным предметом.

Взгляд Рэнда впился в ее профиль. Карие глаза девушки были такими темными, что казались черными, а миндалевидный разрез придавал им какой-то экзотический вид. Будто почувствовав на себе его взгляд, она смущенно вспыхнула.

– В следующий раз предупредите, когда вам понадобится моя помощь, – заявил он.

Рэнд сказал это так, что у нее по спине вдруг побежали мурашки. Клер задрожала. Стиснув до боли зубы, она попыталась взять себя в руки. Перед ее внутренним взором вновь возник каменный исполин с суровым, безжалостным лицом – тики, – и Клер поняла, что один страх вытеснил другой.

Рэнд между тем, усевшись на диван, скрестил руки на груди и небрежно закинул ногу на ногу.

– Думаю, будет лучше, если я услышу всю историю из ваших уст, – сказал он. – Боюсь, объяснения герцога были несколько туманны.

Клер обернулась на его голос. Сжав руки на коленях, она обнаружила, что ей легче дышать, когда его присутствие уже не давит на нее.

– Думаю, он просто кое о чем умолчал, – пробормотала она, – но, поскольку сделал он это по моему настоянию, надеюсь, вы не станете плохо думать о его светлости.

– Если честно, я надеялся, что с сегодняшнего дня мне вообще не придется о нем думать, – признался Рэнд. – И к тому же я сильно сомневаюсь, что мое мнение его волнует.

Сложенные на коленях руки Клер непроизвольно сжались. Но если бы не это, по ее непроницаемому лицу невозможно было догадаться, что слова Рэнда произвели на нее какое-то впечатление.

– Сколько я помню, Стрикленда всегда интересовала легенда о сокровище Гамильтонов – Уотерстоунов. Я догадалась об этом, когда была еще совсем малышкой. В Эбберли-Холле у него целая коллекция древностей, собранных чуть ли не со всего мира. Ожерелья и браслеты из Египта. Церемониальные мечи китайских мандаринов. Скульптуры индийских божков. Древние манускрипты и гобелены. А украшения... ляпис-лазурь, рубины, бриллианты... но главное – сапфиры! Стикль просто без ума от сапфиров, причем для него даже не важно, какого они цвета. Держу пари, сапфиры из его коллекции заставили бы позеленеть от зависти саму королеву!

– Ваш крестный упоминал о каком-то музее, – поддакнул Рэнд. – Но честно говоря, я как-то не сообразил, что речь идет о его собственном!

– Эти сведения никогда не предназначались для широкой публики. И я рассказываю вам об этом сейчас лишь для того, чтобы вы поняли, чем вызван интерес герцога к вашей экспедиции. Втайне от всех он годами следил за вашими поисками.

– Тогда почему я узнал об этом только сейчас?

Клер молча посмотрела в его сторону, предоставляя ему самому догадаться.

– Вы?! – поразился Рэнд. – Стало быть, из-за вас герцог выдал свой интерес к этому делу?

Клер была удивлена, но несколько не разочарована тем, что Рэнд ухватился за простейшее объяснение, – ведь это только доказывало, насколько Стикль был прав. Рэнд Гамильтон желал знать только то, что был в состоянии понять.

– Да, это все из-за меня. Доктор Мессье предположил, что, вернувшись в Полинезию, я, возможно, вспомню те события, что стали причиной моей слепоты. Встав лицом к лицу со своими страхами – если это действительно было нечто ужасное, – я, может быть, снова смогу видеть.

– Разве такое возможно?

– В качестве примера доктор Мессье привел три известных случая совершенно неожиданного, необъяснимого прозрения.

– А в них, случайно, не упоминался Иисус Христос?

Клер даже подпрыгнула от возмущения. Удержало ее только внезапно вспыхнувшее подозрение, что Рэнд намеренно ее дразнит.

– Боюсь вас разочаровать, но, отыскивая примеры, доктор вряд ли заглядывал в Новый Завет, – холодно ответила она.

– А все эти случаи, – продолжал Рэнд, – они произошли недавно? Ну, скажем, в последние пятьдесят лет?

– Точнее, в последние пятьсот лет.

Рэнд чуть слышно чертыхнулся сквозь зубы.

– Три случая за пятьсот лет?! – повторил он, словно не веря собственным ушам. – И вы на что-то надеетесь?

– Это все, что мне остается. Рэнд долго молчал.

– Расскажите мне поподробнее об отце и брате.

– Отец оставил Оксфорд в 1868 году и вернулся на острова в южной части Тихого океана – получил от герцога гранд на исследование флоры в окрестностях Таити и дальше к северу – на Солнечных островах. Его прежние исследования в Полинезии и на островах Кука привели его к разгадке некоторых способов лечения гемофилии. Об этом, естественно, стало известно, и отцу дали понять, что в его открытии заинтересована сама королева.

Рэнд отлично понимал, чем вызван интерес королевы Виктории к исследованиям Банкрофта – все ее отпрыски либо сами страдали от этого ужасного недуга, либо носили в своей крови ген неизлечимой болезни, передавая ее по наследству. Любая пустяковая царапина могла привести к смерти – вот что такое гемофилия.

– Вот, значит, за что он получил рыцарский крест, – медленно протянул Рэнд. – Точно! Когда я учился в Оксфорде, он не был «сэром Гриффином»!

– Отец стал баронетом в 1863 году. Ее величество была очень благодарна...

– И герцогу также, я полагаю. – Увидев, что Клер нахмурилась, он добавил: – За финансовую поддержку, я хотел сказать.

– О да, конечно. Крестный всегда пользовался расположением королевы. – Вдруг что-то теплое коснулось ее обнаженной шеи, чуть ниже туго свернутого узла волос. «Солнечный луч», – решила Клер и слегка изогнула спину, наслаждаясь солнечным теплом. Наблюдавший за ней Рэнд нашел это движение чувственным и даже эротичным. – Солнышко выглянуло, – промурлыкала Клер, и уголки ее губ слегка изогнулись в слабом подобии улыбки.

– Да, – кивнул Рэнд.

Клер подняла лицо, и солнечный лучик скользнул ей за воротник. Словно забыв о нем, она снова заговорила:

– Я сопровождала отца в обоих его путешествиях в Полинезию. Конечно, когда он исследовал Таити и острова Кука, я была еще очень юной, но прекрасно это помню. И снова бы поехала с ним без малейших колебаний, – голос ее понизился до едва слышного шепота, – как отправилась бы и сейчас, не колеблясь ни минуты.

– Нет, – отрезал Рэнд, – и у меня так же нет ни малейших сомнений по этому поводу.

– Вы тут ни при чем, капитан Гамильтон, – я отправилась бы с любым, лишь бы попасть туда. Просто я объяснила вам, почему, этим человеком случайно оказались вы. Конечно, мой отец – не доктор Ливингстон, да и Полинезию нельзя сравнивать с Черным континентом, но если вам посчастливится отыскать его, то наградой вам будет немалая слава... да и немалые деньги.

– Как Стэнли? Непростая задача, скажу я вам, особенно если учесть, что сами вы не сомневаетесь в смерти сэра Гриффина. А что касается вашего брата-ублюдка... не думаю, что меня ждет слава и деньги, даже если я смогу его отыскать.

У Клер перехватило дыхание:

– Вы не смеете...

– Да неужели? Простите, если задел ваши чувства, но ведь, по сути дела, я прав. Вы сказали, что его зовут Типу, а это наводит на мысль, что мать у него аборигенка. И если он был в Полинезии в то время, когда вы оттуда уехали, стало быть, скорее всего он и родился там. Держу пари, что ему сейчас лет шесть. Не думаю, что Стрикленд приходится крестным и ему.

На этот раз Клер промолчала. Гнев мешал ей думать, и это выводило девушку из себя. Теперь она понимала, как ненависть может ослеплять.

– Я все еще на шести часах, – любезно сообщил Рэнд, – Дверь – на девяти, ваша сумочка лежит на диване. Она вам нужна?

– Да.

– Тогда возьмите ее сами, идет?

Губы Клер беззвучно шевельнулись, но он угадал слово «ублюдок», которое едва не сорвалось с них. Она уже сделала шаг вперед, но тут тихий смех Рэнда заставил ее замереть.

– Осторожнее, мисс Банкрофт, именно это словечко, кажется, и вызвало ваш гнев. Давайте попытаемся взять себя в руки – что толку злиться?

Клер снова неуверенно двинулась вперед – почему-то ей казалось, что Рэнд непременно окажется у нее на дороге. Коснувшись рукой края дивана, она повернула и тут же, забыв о чайном столике, со всего маху налетела на него, сильно ударившись ногой. Закусив губу, чтобы не вскрикнуть от боли, она почувствовала во рту соленый привкус крови и с невольным торжеством подумала, что уж этого-то он не заметит.

Сумочка действительно лежала на диване. Крепко прижав ее к себе, Клер повернула в ту сторону, где, по ее расчетам, должна была находиться дверь.

– Я собираюсь дотронуться до вас.

Его голос прозвучал прямо у нее над ухом. Клер даже не почувствовала, что он уже так близко, Рэнд двигался бесшумно, как призрак. Словно наткнувшись на невидимую преграду, она остановилась, чувствуя, как сердце неистово колотится в груди.

Рука Рэнда обхватила ее локоть.

– Вы уходите потому, что обиделись на меня? – спросил он. – Или есть какая-то другая причина? Клер подняла к нему лицо.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

Рэнд и сам не понимал, что происходит. Еще вчера он с трудом замечал ее присутствие в комнате, а сегодня... сегодня все было по-другому. Оставалось лишь гадать, что виновато в этом: выпитый накануне ром или назойливый запах духов Джери Эллен, все еще не выветрившийся из его ноздрей.

Рэнд попытался сменить тему разговора:

– И где, если не секрет, вы бы оказались, если бы были сейчас на борту «Цербера»? При вашей привычке чуть что вскакивать и бежать куда-то, вы бы шлепнулись в воду еще до того, как мы добрались до Чарлстона!

– Я собиралась сидеть в каюте, капитан, – ровным голосом ответила Клер. – Держу пари, вы бы и не увидели меня на палубе.

Пальцы Рэнда, стиснувшие ей локоть, разжались.

– Может, присядете, мисс Банкрофт?

По тому, как расслабилось ее тело, он догадался, что она сдалась. «Что ж, конечно, это еще не капитуляция, но уже кое-что», – с усмешкой заметил он про себя, подводя Клер к дивану. Она села, но по-прежнему прижимала к себе сумочку, готовая вскочить в любую минуту.

– Так я не ошибся насчет вашего брата, не так ли? – спросил Рэнд.

Клер покачала головой.

– Нет, не ошиблись, но вы говорили о Типу так, словно он... пустое место. Но он мой брат, и мне не безразлично, что с ним станет.

– Похоже, вы волнуетесь за него гораздо больше, чем за отца, верно?

Она не сразу ответила, но когда заговорила, то в голосе ее не было и намека на сомнения:

– Волнуюсь, только по-другому.

Рэнд ждал, что она скажет дальше, но девушка только чуть побледнела, закусив губу, чтобы не выдать себя. Он мог бы поклясться, что ей стоило немалого труда удержать свою тайну при себе.

– Солнечные острова – это целая цепочка из двадцати или более островов, – сказал Рэнд. – Откуда вы знаете, какой именно вам нужен?

– Восемь из них заселены. Когда я уезжала, отец работал на одном из необитаемых. Местные жители называют его Пулоту, что в переводе означает «земля духов».

Рэнд покачал головой, не веря собственным ушам. Неужели сэр Гриффин совсем выжил из ума, рискнув ступить на священную для аборигенов землю?!

– Тогда остров скорее всего охраняют тики.

– Их семеро, и все женщины. Я прозвала их сестрами. Рэнд вдруг почувствовал, как сердце его сжалось.

– «Семь сестер», – чуть слышно повторил он. – Это вы их так называли?

– Да, – кивнула Клер. – Похоже на «Сказки Матушки Гусыни», верно? Как семь гусынь. Аборигены неохотно говорят о них, а уж о том, чтобы высадиться на Пулоту, и речи быть не может. Остров находится во власти могущественного тапу.

– Колдовских чар? – Да.

– Но ваш отец тем не менее рискнул отправиться туда?

– Он не верит ни в какие чары. Отец говорил, что тики, дескать, сидят на острове ради того, чтобы предупреждать рыбаков о мелях. Вместо наших маяков.

Рэнд постепенно начал понимать, что сэр Гриффин, может быть, и гениальный ботаник, зато полный профан в истории и посредственный моряк. Песчаные отмели, образующие наносы вокруг некоторых островов, не страшны для хрупких, узких и вертлявых пирог, на которых рыбачат в Полинезии. И уж конечно, никому из аборигенов не могло бы прийти в голову ставить каменные изображения своих богов, чтобы предупреждать о мелях чужеземцев.

Он не стал говорить об этом Клер. Уж лучше обратить все в шутку.

– Мели? Стало быть, мне придется еще ломать голову, как бы не посадить корабль на мель?! Приятная перспектива! Скажите, а вы больше ни о чем не забыли? Что еще ждет меня и мою команду в Полинезии – огромные стаи кровожадных акул? Или племена не менее кровожадных людоедов на берегу?

В душе Клер вспыхнула робкая надежда.

– Господи... неужели это означает, что вы согласны взять меня с собой?! Я вернусь в Полинезию вместе с вами, капитан?!

– Ну... что-то мне подсказывает, что мы с вами договоримся, мисс Банкрофт.

Уже во второй раз за последние дни Рэнд Гамильтон был гостем в доме герцога Стрикленда. На этот раз его пригласили к обеду. Стало быть, Клер, вернувшись домой, тут же сообщила Стрикленду о капитуляции Рэнда. Насколько он мог судить, Клер не теряла ни минуты: скорее всего первым делом доложила крестному о своей победе и тут же настояла, чтобы капитану было послано приглашение на обед.

«Интересно, неужели они рассчитывают, что я передумал?» – гадал Рэнд.

За обеденным столом он сидел справа от хозяина. Клер, принарядившаяся для такого случая, напротив него. Как только слуги вносили очередную перемену, Клер осторожно пробегала указательным пальцем по краю тарелки, стараясь определить, что перед ней – рыба, овощи или мясо, но говорила мало. Все ее внимание было уделено тому, чтобы справиться с едой – сначала с холодным супом, потом с копченой форелью, за которой последовал лимонный шербет, – так что в разговоре мужчин она почти не участвовала.

А может, все дело было в том, что Стрикленд практически лишил ее возможности вставить хотя бы слово. «Понятно, – догадался Рэнд, – если его светлость и отправлял крестницу уламывать капитана, то уж условия он решил оговорить сам». Но герцог тянул с серьезным разговором. Видимо, рассчитывал обсудить все, когда они с Рэндом останутся вдвоем за портвейном.

– Я хочу, чтобы кто-нибудь приглядывал за Клер, – сказал Стрикленд, откинувшись на спинку стула. Потом поднял бокал, повертел его в пальцах, любуясь глубоким бархатистым оттенком портвейна, с наслаждением вдохнул тонкий аромат вина и перевел взгляд на крестницу. – По-моему, пришло время оставить мужчин вдвоем, дорогая. Наш разговор вряд ли заинтересует вас.

Клер лукаво улыбнулась.

– И пропустить то, что касается как раз меня? – с невинным видом спросила она. – Нет уж, спасибо, лучше я останусь. И прошу вас, не отказывайтесь из-за меня от сигар. – В доказательство серьезности своих намерений Клер встала из-за стола и подошла к буфету. Через мгновение она уже вернулась, неся в руках украшенную резьбой деревянную шкатулку, где герцог держал свои любимые сигары, и поднесла ее Стрикленду. Он вынул одну, и Клер направилась к Рэнду, чтобы предложить сигару и ему.

– Капитан, герцог может подтвердить, что его сигары – лучшие в Лондоне.

– Может быть, и так, но я не курю. – Рэнд повернулся к герцогу. – Похоже, мисс Банкрофт способна обслужить не только себя, но и кого угодно, – проговорил он. – Честно говоря, я не думал брать на борт еще одного пассажира.

Герцог усмехнулся.

– Вас ввела в заблуждение самостоятельность моей крестницы. Но вы сделаете ошибку, если поверите ей. Открою вам маленькую тайну – чтобы сейчас угостить нас сигарами, она практиковалась весь вечер.

Громкий стук крышки шкатулки, неловко закрытой Клер, привлек внимание Рэнда. Сунув ее в ящик буфета, она с таким грохотом задвинула его, что он невольно моргнул. Потом девушка повернулась лицом к мужчинам.

– Я вынуждена практиковаться во всем. – По ее тону было ясно, что она и не думает извиняться. – Мне пришлось заново учиться передвигаться по дому и есть без посторонней помощи. Вам, ваша светлость, наверное, доставило бы куда большее удовольствие видеть меня беспомощной, во всем полагающейся на прислугу. Но я сразу предупредила, что этого не будет. И дело тут не в любви к самостоятельности, просто я не нуждаюсь в няньке, и все! – Бросив в их сторону вызывающий взгляд, Клер снова уселась за стол. – И не думайте, что я позволю, чтобы мое участие в плавании оказалось под угрозой из-за ваших условий, ваша светлость. Я уже предупреждала вас – у капитана Гамильтона есть и свои условия, но я пока что о них не слышала.

Рэнд не верил своим ушам – во всей Британской империи не было человека, кто бы мог позволить себе разговаривать подобным образом с самим герцогом Стриклендом. Его светлость позволял своей крестнице то, что не сошло бы с рук никому другому, и Рэнд начал подозревать, что впереди его ждет еще немало неожиданностей. Оставалось только надеяться, что Клер не вздумает выкинуть нечто подобное с ним самим. На борту «Цербера» его слово было законом для всех, никаких споров и обсуждений не допускалось.

Рэнд отставил в сторону бокал.

– Итак, мое первое условие, мисс Банкрофт: упаси вас Бог когда-нибудь заговорить со мной в подобном тоне. Если вы позволите себе нечто подобное, когда мы будем вдвоем, то окажетесь в каюте под замком. Если при свидетелях – я прикажу протащить вас под килем.

Звук голоса Рэнда заставил щеки Клер порозоветь. К тому времени как он закончил, они уже полыхали огнем. И тем не менее, когда она заговорила, чуть надменно вскинув одну бровь, голос ее звучал так же ровно, как и всегда:

– Неужели это все еще практикуется? Я имею в виду – протаскивать людей под килем?

– На борту моего корабля – да! Клер немного помолчала.

– Его светлость улыбается? – наконец спросила она. Бросив взгляд на герцога, Рэнд снова повернулся к Клер. – Да.

Уголки ее губ осуждающе дрогнули.

– Предатель, – прошептала она.

Все еще насмешливо улыбаясь, герцог пожал плечами и поднес к губам сигару. Один из лакеев, молчаливо застывших у стены, тут же подскочил к нему с зажженной спичкой. Глубоко затянувшись, герцог выпустил клуб дыма, и комнату наполнил тонкий аромат.

– Итак, капитан? – осведомился он. – Вы все еще будете спорить, что ей не нужна компаньонка?

Рэнд чуть не брякнул, что Клер Банкрофт скорее уж нуждается в санитаре, а не в компаньонке, но вовремя прикусил язык.

– Не то чтобы я не согласен, просто я не готов к этому. Скажите, у вас уже есть кто-то на примете? Ведь этому человеку также понадобится каюта. А на «Цербере» не так уж много места.

– Вскоре после возвращения Клер в Лондон я взял к ней миссис Уэбстер из Академии для слепых, чтобы она занималась с ней. Она вдова и сопровождала нас, когда я возил Клер на континент посоветоваться с врачами. Я всегда надеялся, что зрение когда-нибудь вернется к Клер. Однако могло случиться и худшее, именно поэтому я и воспользовался на всякий случай услугами миссис Уэбстер. – Стрикленд покосился в сторону Клер, по-прежнему сидевшей за столом с невозмутимым видом. – Ты уверена, что хочешь остаться здесь, дорогая? То, что мне придется сказать, может тебя расстроить.

– Я не услышу ничего такого, чего бы мы не обсуждали уже бог знает сколько раз, – ответила она. – Мне хорошо известно, что вы почти не надеетесь на мое выздоровление. Я уже предупредила капитана Гамильтона, что вы не питаете на этот счет никаких иллюзий, так что вы не скажете ничего нового.

Рэнд догадался, что все это сказано только для того, чтобы герцог мог чувствовать себя свободнее. Может, Клер и имела смелость перечить крестному во всем, но присущая ей чуткость позволила ей заметить его смущение. Всем сердцем желая, чтобы к ней вновь вернулось зрение, он не мог не сознавать, что все его богатство, вся власть и могущество, которым он обладал, бессильны ей помочь.

– Стало быть, вы хотите, чтобы с ней отправилась миссис Уэбстер? – спросил Рэнд.

Стрикленд покачал головой.

– Не думаю, что она согласится. Даже за ту сумму, которую я рассчитывал ей предложить.

– У миссис Уэбстер есть внуки, которых она не захочет оставить, – объяснила Клер. – Она с удовольствием съездила в Париж и Рим, но каждый раз, пробыв там пару недель, начинала скучать по дому.

– Что ж, это понятно. Тогда кто же?

– Я сам займусь поисками подходящей кандидатуры, – вмешался Стрикленд. – Миссис Уэбстер пообещала, что подготовит для меня список квалифицированных педагогов из академии. Сам я также наведу справки. Вдвоем с миссис Уэбстер мы кого-нибудь подыщем.

– А мисс Банкрофт будет как-то участвовать во всем этом? – осведомился Рэнд.

Клер вздохнула.

– Сомневаюсь. Скорее всего мне придется принять того, кого найдет Стиклъ.

– Думаю, капитан, участие Клер в этом совсем не обязательно, – заявил Стрикленд.

Рэнду пришлось согласиться.

– Стало быть, речь идет о женщине, чьей задачей будет только приглядывать за мисс Банкрофт. Я верно вас понял?

– Она будет моей наставницей, – поправила его Клер. – Признаюсь, мне еще многому предстоит научиться. Но мне трудно смириться с тем, что эта особа будет ходить за мной по пятам, присутствовать при всех разговорах... Это так утомительно... я уже сейчас просто ума не приложу, как тут быть.

Тут уж Рэнд не удержался:

– Быть может, вам удастся уговорить эту особу хоть иногда предоставлять вас самой себе, – сухо заметил он.

– Уверяю вас, я была бы только рада, если б она согласилась. По крайней мере это было бы не так глупо и утомительно, как...

Герцог слегка кашлянул, привлекая к себе внимание Рэнда.

– Миссис Уэбстер весьма достойная женщина, но все разговоры сводятся к обсуждению ее собственного здоровья и здоровья ее обожаемых внуков.

– Его светлость хочет сказать, что был вынужден терпеть все эти утомительные разговоры лишь потому, что я нуждалась в ее услугах. Могу только добавить, что при первой же удобной возможности он тут же исчезал.

– Ну-ну, дорогая, – запротестовал Стрикленд, взмахнув сигарой, – поверь, я...

– У меня же, увы, выбора не было – приходилось часами выслушивать этот вздор.

Представив, как это выглядело, Рэнд не мог не улыбнуться. Клер, должно быть, почувствовала это. Ее губы тоже слабо дрогнули.

– Именно так. К счастью, я хорошая ученица. И сейчас мои уроки занимают всего лишь пару часов в день.

«Что ж, у нее есть полное право гордиться собой», – подумал Рэнд. Возможно, при более близком знакомстве окажется что она не так уже беспомощна. Эта мысль заставила его гадать – а будет, ли оно, это близкое знакомство? Мисс Банкрофт была очень бледна, и краска появлялась на ее щеках лишь тогда, когда она была чем-то смущена или разгневана, а оба эти чувства вряд ли могли бы способствовать ее выздоровлению. «Интересно, часто ли ее выпускают из дома?» – гадал Рэнд. Эта вдовушка Уэбстер, возможно, считает, что ее ученица еще недостаточно окрепла для прогулок в парке и уж тем более для того, чтобы появляться на людях. А возможно, и сама мисс Банкрофт против того, чтобы где-то бывать.

Волосы ее, цвета жженого сахара, были густыми и блестящими, чего он не заметил в первый раз. Свернутые тяжелым узлом на шее, в свете свечей они переливались красноватыми и золотистыми оттенками осенних листьев. Выбившиеся из узла непокорные прядки завивались колечками на висках. Упрямо выпятив нижнюю губу, Клер привычным жестом заправила их в прическу.

– А как обстоит дело со здоровьем мисс Банкрофт? – спросил Рэнд. – Что говорят врачи по поводу ее желания отправиться в плавание?

– Можете сами у них поинтересоваться, с ними нетрудно связаться, они сейчас в Лондоне.

В разговор вмешалась Клер:

– Можете еще поговорить с судовым врачом того корабля, на котором я вернулась в Англию через Австралию, Индию и Африку. У меня было достаточно времени, чтобы привыкнуть к своему новому положению, если уж не смириться с ним.

Стрикленд покачал головой.

– Ее послушать, так она вернулась домой абсолютно здоровой. А это не так! Здоровье ее было подорвано, хотя на судне сделали все, чтобы устроить ее со всеми возможными удоб-

ствами. Ее врач наверняка скажет вам, что у нее до сих пор бывают приступы. Он подозревает, что это какая-то местная лихорадка возвратного типа.

– Вроде малярии.

– Да, но не малярия. Теперь мы знаем это точно. Первый приступ был самым тяжелым, зато теперь, выздоровев, Клер обрела нечто вроде иммунитета и другие приступы проходят легче. Впрочем, я в этом ничего не понимаю, я ведь не врач.

– Думаю, и врачи не все об этом знают.

– Согласен, – снова взмахнув сигарой, кивнул Стрикленд. – Может быть, у Клер и хватает сил побороть очередной приступ, но какой ценой!

Клер постучала чайной ложкой о край чашки, и герцог осекся.

– Достаточно, ваша светлость, иначе капитан Гамильтон передумает. Вы, чего доброго, еще договоритесь до того, что мое здоровье не позволяет мне отправиться в плавание. – Она повернулась к Рэнду: – Поговорите с врачами сами, хорошо? И они скажут вам, что путешествие только пойдет мне на пользу. А доктор Филипс подтвердит, что давно советовал мне уехать из Лондона и подышать свежим воздухом.

– Мы всегда могли вернуться в Эбберли-Холл, – вмешался Стрикленд.

Клер едва заметным жестом заставила его замолчать.

– Итак, капитан? Его светлость вновь заставил вас сомневаться?

– Скажем так – успокоить меня ему не удалось, – проворчал Рэнд, прекрасно понимая, что теперь не меньше их заинтересован в том, чтобы Клер оказалась на борту «Цербера». Более того, он готов был лезть из кожи вон, лишь бы она протянула достаточно долго, чтобы привести их на Пулоту, остров «Семи сестер». – Рэнд обернулся к Стрикленду. – Я сам лично подбирал команду для «Цербера» – каждого человека! Мисс Банкрофт и ее будущая компаньонка не станут исключением. Против кандидатуры мисс Банкрофт лично я ничего не имею. Теперь я хочу удостовериться, что без моего одобрения вы не наймете для нее компаньонку.

Бледно-голубые глаза герцога расширились от удивления. Видимо, возмущенный, он что-то бессвязно забормотал, брызгая слюной, поперхнулся вином и отчаянно закашлялся.

Не сводя с него глаз, Рэнд молча поднял брови. Клер быстро поднялась, нащупала плечо герцога и несколько раз энергично хлопнула его по спине, пока он не отдышался.

– Я так понимаю, у вас есть возражения? – вкрадчиво спросил Рэнд.

Стрикленд молча похлопал Клер по руке, давая понять, что все прошло. Девушка встала у него за спиной.

– Не думаю, что его светлость считает вас достаточно компетентным, чтобы судить, подходит ли мне компаньонка. Ничуть не обескураженный, Рэнд пожал плечами.

– Может быть, но в любом случае я имею на это право. Даже если я сочту, что она не подходит вам, когда корабль уже будет в море, то я отправлю ее в Лондон за собственный счет, а в Чарлстоне найду ей замену.

Рука Клер, лежавшая на плече Стрикленда, почувствовала, как он дернулся – его светлость не привык сталкиваться с властностью в других людях, исключая, конечно саму Клер. На мгновение она почувствовала острую жалость. Но Стрикленду не нужно было смотреть на Клер, чтобы догадаться о насмешливой улыбке, скользнувшей по ее губам. Покосившись на Рэнда, он спросил:

– Она улыбается?

Рэнд, в свою очередь, бросил взгляд на девушку:

– Скорее, удивлена.

Из груди герцога вырвался вздох.

– Что ж, считайте, что я согласен. К тому же я рад продемонстрировать моей крестнице, что и уступать тоже можно красиво. Последнее слово за вами. Не думаю, что у вас появятся какие-то возражения против выбранной мною особы.

Рэнд довольно кивнул.

– Хорошо. Теперь остается только выяснить вопрос с финансированием этой экспедиции. У меня была возможность прикинуть предстоящие расходы, и должен вам сказать, что меньше чем в шесть тысяч фунтов я вряд ли уложусь.

Стрикленд намного вырос в глазах Гамильтона, когда принял это известие не моргнув глазом.

– Кажется, я говорил вам, что четыре тысячи – это тот максимум, который я могу вам обещать.

– Верно. Но и я согласился взять на борт не только мисс Банкрофт, но и ее компаньонку, а также заняться поисками ее отца и брата. И все это – помимо собственных исследований в Полинезии.

– Поисков клада Гамильтонов – Уотерстоунов, – помолчав, добавил герцог.

– Я не забыл об этом. Просто гадал, помните ли об этом вы. И шесть тысяч – мое непререкаемое условие.

– Ба! – презрительно фыркнув, Стрикленд ткнул окурком сигары в стеклянную пепельницу. – Деньги – это вздор! Но я терпеть не могу, когда мне ставят условия! У вас отвратительный нрав, и к тому же вы дурно воспитаны, так что я начинаю сомневаться, будет ли мне от вас польза в этой экспедиции. Но Клер хочет именно вас, а я никогда не умел ей отказывать.

– Клер хочет меня, – едва слышно повторил Рэнд, словно пробуя эти слова на вкус.

– Неудачно выбранное выражение, – вмешалась Клер. Голос ее звучал сердито, но в глазах не было гнева. – Его светлость просто хотел сказать...

– Я понимаю, что он хотел сказать, – перебил Рэнд, – и знаю, что выбирали меня вы, а не его светлость. И если мы пришли к соглашению, то остается лишь...

Стрикленд поднял руку:

– Остается лишь доказать мне, что именно вы владеете тайной Гамильтонов – знаменитой зашифрованной запиской. Ведь вы об этом собирались говорить, верно? Я хочу удостовериться, что вы именно тот человек, за которого себя выдаете. Иначе никакие уговоры Клер не заставят меня доверить ее вам.

– У меня нет привычки носить такие вещи при себе, – бросил Рэнд, – тем более что бумага, которой более трех сотен лет, уже не в том состоянии, чтобы таскать ее в кармане. Однако я помню запись наизусть.

– Я сам помню не меньше четырнадцати разных стишков, – проворчал Стрикленд, – но от этого ни один из них не становится семейным закланием Гамильтонов.

– Тогда мы зашли в тупик, потому что я никогда не покажу вам оригинал записки.

– Почему? Что изменится, если я увижу запись своими глазами? – Герцог немного подумал. – А-а... скорее всего у вас нет второй половины записи – той, что принадлежала Уотерстоунам. И вы боитесь, что она может оказаться у меня.

Рэнд промолчал, в лице его ничего не дрогнуло. Но Стрикленд и не думал сдаваться.

– Как вы вообще собираетесь искать сокровище, не имея второй половины записи?

– Это невозможно, – согласился Рэнд.

– Бог ты мой! – выдохнул Стрикленд. – Да вы вообще-то знаете, что собираетесь искать?!

Вместо ответа Рэнд продекламировал несколько строк:

От проклятья кровь потечет рекой,
Языки пламени взвьются вверх,
Палящее солнце – жара и зной
Выжгут травы под корень, как острый серп.
Реки бурные выйдут из русел своих.
Дожди непрерывные будут лить.

Затянется небо, каждый день будет лих.
Глаза потускнеют, и страшно жить!

Стрикленд ошарашенно посмотрел на него.

– Заклятие? – не вытерпел он. – Так эта зашифрованная запись – нечто вроде заклития?

– Может быть, остальные до меня, наверное, так и думали. Все попытки отыскать сокровища закончились трагедией. Но может быть и другое объяснение. Заклтия ведь часто используются как предостережения.

– Тапу, – негромко подсказала Клер, – колдовские чары.

– Да, вроде тапу или тики. Мне кажется, у заклитий есть еще какое-то значение, только его нужно найти. Иногда они обозначают драгоценные камни. Именно их я и ищу.

Рэнд замолчал, давая герцогу время обдумать сказанное. По лицу Стрикленда было заметно, что тот пытается припомнить слова заклития.

– Думаю, это те самые камни, которые испанский король Филипп Второй собирался подарить папе Григорию. Их должны были вручить понтифику как признание важности того вклада, который внесла Испания в борьбу католицизма за мировое господство. Испанский король также был не прочь сохранить власть над Вест-Индией, и без помощи папы ему было не обойтись. Ему пришлось практически опустошить королевскую казну, чтобы послать камни в Рим, но туда они так и не прибыли. Нет никаких свидетельств о том, что сокровище попало в папскую коллекцию драгоценностей. Правда, весьма возможно, что все это просто легенда и никаких драгоценностей не было и в помине. А придумали ее для того, чтобы объяснить, почему вдруг опустела государственная казна. Король Филипп так никогда и не признал, что корабль, перевозивший сокровища, был захвачен англичанами. Слишком уж болезненная была потеря, да и обидно было осознавать, что такое сокровище пошло на дно моря.

– Если оно вообще было, это сокровище, – проворчал герцог.

Рэнд поднес к губам бокал и сделал глоток.

– Возможно, я ошибаюсь. Тем более что в легенде о сокровищах Гамильтонов – Уотерстоунов ни слова не говорится об Испании и папских драгоценностях. Вполне возможно, что сокровищем является такая банальная вещь, как обычное золото. Что ж, пожалуй, придется смириться с этим... конечно, если золота будет по крайней мере сундук. – Он метнул насмешливый взгляд в сторону герцога, но глаза Стрикленда были холодны и суровы. – А вы? Что вы на это скажете?

Лицо герцога просветлело.

– На то, чтобы получить треть сундука с золотом? Что ж, думаю, я тоже бы не отказался.

– Четверть, – поправил Рэнд. – И вы получите назад ваши шесть тысяч фунтов, которыми ссудите меня перед началом экспедиции.

– Само собой, – кисло согласился герцог; улыбка его увяла. – Боже, как это утомительно – торговаться! Занятие для лавочников и янки! Хорошо, я согласен на четверть, но лишь ради того, чтобы не огорчать мою крестницу. Не будь здесь ее, вряд ли вам удалось бы с такой легкостью заставить меня принять все ваши условия.

Рэнд чуть заметно кивнул, признавая правоту герцога. Стрикленд встал, и капитан также поднялся из-за стола.

– Надеюсь, вы извините меня, – произнес герцог. – Признаюсь, я устал – все эти условия и соглашения так утомительны. – Наклонившись, он ласково поцеловал Клер в щеку. – Доброй ночи, дорогая. Надеюсь, ты проводишь капитана?

Клер кивнула:

– Конечно, и обязательно загляну к вам перед сном.

Герцог с улыбкой похлопал ее по плечу.

– Непременно.

Дождавшись, когда Стрикленд выйдет из комнаты, Клер отпустила слуг и повернулась к Рэнду.

– Всего четверть?! – с жаром спросила она. – Но он же сам вчера говорил мне, что рассчитывает получить треть сокровищ!

– Так и есть, но я не согласился, – ответил Рэнд. – Вчера я вообще не хотел говорить об этом. Ваш Стикль с таким же успехом мог бы потребовать и половину. – Тихонько отодвинув стоявший между ними стул, Рэнд бесшумно шагнул к ней, едва осмеливаясь дышать. Его взгляд на мгновение оторвался от ее глаз, но лишь для того, чтобы скользнуть к губам.

– Не смейте называть его Стикль! Это я его так прозвала, и у вас нет никакого права... – Клер глубоко вздохнула, осознав, как глупо она себя ведет. – Разве вы не понимаете, что он согласился на все ваши условия только ради меня?! Держу пари, что с другими заимодавцами вы были не в пример скромнее! И ведь вам известно, что я не буду обузой ни вам, ни вашим людям! Вы просто...

Губы Рэнда впились в ее рот, и Клер разом забыла, что еще хотела сказать. Мысли ее разбежались.

Глава 3

Но это длилось всего мгновение. Напрягшись всем телом, Клер отпрянула в сторону и едва не потеряла равновесие. Она попыталась было ухватиться за стул, чтобы не упасть, но вместо этого уцепилась за руку Рэнда. Клер почувствовала, как его ладони железным кольцом обхватили ее талию. Опомнившись, она уперлась руками ему в грудь, отталкивая его изо всех сил, которые от страха удесятерились.

Этого оказалось достаточно, чтобы Рэнд тут же отпустил ее. Однако он и не подумал отодвинуться. Вместо этого Клер, толкнув его в очередной раз, сама отлетела назад, точно ударившись о скалу. Ничуть не обескураженная, она снова бросилась на него и случайно задела бедром ручку кресла, на котором недавно сидел герцог. Видимо, приняв это за новую дерзость со стороны Рэнда, Клер с яростным криком оттолкнула кресло от себя. Рэнд попытался поймать его на лету, но не успел, и оно с грохотом рухнуло на пол.

То ли от боли, то ли от удивления Клер сдавленно ахнула. Она инстинктивно отпрянула в сторону от рухнувшего кресла и тут же с размаху налетела на стол.

В то же мгновение Рэнд, нагнувшись, чтобы поднять упавшее кресло, неловким движением смахнул со стола пепельницу, которая и свалилась ему на голову. Удар был не слишком силен, но пепельница потянула за собой севрскую вазу, в которой стояли свежие цветы. Поток воды вместе с розовыми бутонами усеял заставленный французским фарфором стол.

– Что за... – рявкнул Рэнд, оглянувшись, чтобы встать и поставить наконец на место тяжелое кресло. Увы, он повернулся не в ту сторону, куда следовало, и это было роковой ошибкой. Блюдо с десертом, словно лезвие пилы, с размаху врезалось ему в грудь. Удар был настолько силен, что у Рэнда захватило дух. Он попытался было подхватить проклятое блюдо на лету, но промахнулся и мог только беспомощно смотреть, как оно, ударившись об пол, разлетелось вдребезги.

Ошеломленный, он оказался совершенно неподготовленным к следующей атаке Клер. Единственное, что он успел, – это юркнуть за угол буфета. Стремительность маневра спасла его – брошенный Клер бокал пролетел мимо, но вино, расплескавшись, залило ему рукав сюртука.

– Довольно, Клер! Я хочу... – начал Рэнд и тут же осекся, краем глаза заметив, как голова Клер повернулась на звук его голоса. Ее руки слепо шарили по столу в поисках чего-нибудь тяжелого, что можно было бы метнуть ему в голову, и он испуганно вздрогнул, увидев, как она схватила со стола тяжелую серебряную вилку. Ни минуты не колеблясь, Клер швырнула ее вслед за бокалом. Она промахнулась, но Рэнд почувствовал, что с него довольно. – Проклятие, Клер! – взревел он.

Теперь у нее под рукой оказался целый арсенал: вилки, ножи, ложки – и все из тяжелого серебра. Набрав полные руки, она выразительным жестом дала ему понять, что вооружена.

– Оставайтесь на месте, капитан!

Между ними было не более четырех футов. Рэнд медленно поднял вверх руки.

– Сдаюсь! – покорно пробормотал он. И заметил, что она колеблется. Ободренный этим, Рэнд продолжал: – Честное слово, Клер! Я выкинул белый флаг!

Клер все еще колебалась.

– Я не верю вам, – заявила она. И, немного подумав, добавила: – Кроме того, я не давала вам разрешения называть меня по имени.

В этот самый момент боковая дверь распахнулась и они оба, вздрогнув от неожиданности, повернулись на шум. На пороге столовой, с самым невозмутимым лицом взирая на сцену разгрома, стоял дворецкий герцога.

– Не следует ли доложить его светлости?..

Клер незаметно разоружилась, опустив на стол весь свой внушительный арсенал.

- Нет-нет, Эммерет! В этом нет никакой необходимости!
- Очень хорошо, мисс Банкрофт. Потому что я подумал...
- Клер, улыбнувшись, кивнула:
- Благодарю вас. – Услышав, как скрипнула дверь, она окликнула дворецкого: – Эммерет!
- Слушаю, мисс!
- Скажите, Эммерет, капитан Гамильтон действительно поднял руки вверх?
- И даже размахивает в воздухе салфеткой, – сухо подтвердил дворецкий, в то время как Гамильтон еще выразительнее замахал импровизированным белым флагом. – Похоже, вы одержали верх, мисс, – как Веллингтон у Ватерлоо.
- Спасибо, Эммерет! – весело рассмеялась Клер.
- Кивнув, дворецкий попятился и бесшумно прикрыл за собой дверь.
- Нащупав рукой край стола, Клер отодвинула в сторону вилки.
- Конечно, Эммерет и словом не обмолвится его светлости о том, что он увидел, но уж в том, что на половине слуг будут чесать языками весь вечер, можно не сомневаться.
- И завтра тоже, – поддакнул Рэнд, – или я недооценил огонек, блеснувший в глазах этого вашего Эммерета.
- Огонек?! Да вы шутите! Более унылой личности, чем наш Эммерет, и представить себе трудно! Помню, еще маленькой я до смерти его боялась.
- Это был огонек, а может, слезы, – буркнул Рэнд, – по вашему севрскому фарфору.
- Господи помилуй! Неужели я его весь перебила?!
- Боюсь, что так. Впрочем, кажется, пепельница целехонька.
- Клер испустила тяжелый вздох.
- Боже правый, а Стикль без ума от севрского фарфора! «Скорее всего так оно и есть», – подумал Рэнд.
- Позвольте предложить вам руку?
- А вы их до сих пор так и держите над головой?
- Конечно. А то как же!
- А белый флаг?
- Я размахиваю им над головой.
- Ладно, можете перестать дурачиться, но руки лучше держите при себе, идет?
- Рэнд уронил салфетку на пол.
- Как прикажете, – кивнул он, опуская руки.
- Клер прислонилась спиной к столу, пальцы ее по-прежнему сжимали его край.
- Мне бы все-таки хотелось знать, почему вы меня поцеловали? – невозмутимо поинтересовалась она.
- Попытался поцеловать, – поправил Рэнд, – только попытался. То, что произошло, трудно назвать поцелуем.
- Наверное, вы правы.
- «Стало быть, ей все-таки кое-что об этом известно», – усмехнулся про себя Рэнд. Самое же неприятное было то, что Клер, казалось, без труда могла читать его мысли.
- Должно быть, решили, что у меня богатый опыт по части поцелуев, верно, капитан? Что ж, не буду скрывать, кое-какой опыт у меня есть, но это естественно для женщины в моем возрасте. Мне ведь уже двадцать четыре. Я много читала и неплохо разбираюсь в культуре многих народов. Но признаюсь, ваш поцелуй был первым с тех пор, как я ослепла. Поцелуй крестного не в счет, не так ли?
- Н-нет, – пробормотал Рэнд, – не думаю. – Итак, – решительно заявила она, словно уже придя к определенному выводу, с чем Рэнду оставалось лишь смириться, – теперь у меня больше не осталось сомнений, что вы считаете меня достаточно привлекательной, капитан. Тем

не менее еще вчера вы едва замечали мое присутствие. Рассчитывали застать меня врасплох? Или просто хотели дать мне понять, чего следует ожидать на борту вашего «Цербера»?

Рэнд мучительно покраснел. Последний раз он получил такой щелчок по носу, когда был еще зеленым юнцом, рыскавшим на половине слуг в расчете сорвать поцелуй с уст зазевавшейся цветной служанки. Ему было всего лишь тринадцать, когда мамаша Комати застучала его и тотчас приняла надлежащие меры – мощная затрещина заставила Дженни Энн кубарем вылететь из подвала. А его нещадно отдубасили деревянной поварешкой по тощему заду. Но удары еще можно было стерпеть. Куда больнее жалили слова, что он тогда услышал: «Нет никакой заслуги получить то, в чем тебе не имеют права отказать. И нет ни малейшего удовольствия сломить бесправного и беззащитного. Ты и сам знаешь, что я права, малыш. Тебя воспитывали не для этого!»

И вот сейчас Рэнд поймал себя на том, что нисколько не удивился бы, если б снова почувствовал хлесткий удар деревянной поварешкой.

– Итак, что скажете, капитан? – повторила Клер, когда он так и не ответил.

Оставалось признать, что единственным способом доказать, что урок мамы Комати пошел ему на пользу, – это сознаться. Но сделать это сейчас оказалось еще труднее, чем в тринадцать лет.

– Это была проверка, – пробормотал он.

– Проверка?!

– Мне пришло в голову... а вдруг вы просто притворяетесь, что ослепли.

Рот Клер удивленно приоткрылся. Судя по всему, такое даже не приходило ей в голову.

– М-да... думаю, надо сказать спасибо, что вам еще не пришло в голову просто дать мне подножку – просто чтобы посмотреть.

– Мне бы и в голову не пришло причинить вам боль.

Клер выразительно фыркнула.

– Скажите, вы, часом, в детстве не развлекались тем, что отрывали бабочкам крылья?

– Нет, – покачал головой Рэнд. – Это делал Дэвид. Да, кстати, чтобы предупредить ваш следующий вопрос: кошек за хвост дергал Шелби.

– А кого же мучили вы? – Клер ждала ответа, но он молчал. – Ну, в чем дело, капитан?

Рэнд прокашлялся, чтобы прочистить горло.

– Девчонок, – с трудом выдавил он. – Я обожал их дразнить. – Наступило долгое молчание, которое неожиданно прервал залиvistый смех Клер, и Рэнд вдруг почувствовал, как у него снова запылали щеки. – И еще я дергал их за волосы, – угрюмо добавил он.

– Но с тех пор, как вам исполнилось шесть, – отсмеявшись, предположила Клер, – надеюсь, ваши интересы хоть немного изменились?

– Мои – да, но и их тоже.

– Та-ак, – медленно протянула она. – Должно быть, вы правы. – Клер замолчала, гадая про себя, хорош ли собой Рэнд. Может, спросить его... но скажет ли он правду? Она уже успела узнать, что любой хоть мало-мальски привлекательный с виду мужчина считает себя красавцем. Да и не только мужчины – ее мать была красавицей, и ей не нужны были зеркала, чтобы убедиться в этом. Клер порой казалось, что мать кожей научилась впитывать всеобщее восхищение, как цветок – солнечный свет. И зеркало было бы лишь слабой заменой глаз возлюбленного, в которых сияло благоговение перед ее красотой.

– И часто вам приходилось... ммм... пользоваться силой? – поинтересовалась Клер.

Рэнду снова вспомнилась Дженни Энн. Нет, ему это и в голову никогда не приходило... и, однако, мамаша Комати была, несомненно, права – бедняжка и подумать не могла о том, чтобы отказать молодому хозяину.

– Нет, – проговорил он наконец. – Не в моих правилах принуждать женщину.

– Да? А как же права сеньора? Или у вас в Южной Каролине это называется как-то по-другому?

«Может быть, так и есть», – подумал Рэнд. Во всяком случае, когда речь шла о черных рабынях. К счастью, после войны многое изменилось.

– Когда речь идет о принуждении, у нас это называется изнасилованием, – пробормотал он.

– И у нас тоже, – кивнула Клер. – Я просто хотела убедиться, что мы с вами поняли друг друга.

– На борту «Цербера» вам нечего бояться. Никто не причинит вам никакого вреда – ни я, ни кто-либо из моей команды.

Клер поняла, что верит ему, но все же один раз этот человек уже нарушил данное ей слово.

– Еще утром вы пообещали мне, что не дотронетесь до меня без предупреждения. И обманули! Надеюсь, это не повторится.

– Никогда, – торжественно пообещал Рэнд.

– Что же до моей слепоты, надеюсь, теперь вы убедились, что она не плод моего воображения.

– Совершенно.

– Хорошо. – Она снова кивнула. – Можете опустить руки, капитан. Вы свободны. Я не беру пленных.

Рэнд тупо посмотрел на собственные руки, скрещенные на груди.

– Э-э... большое спасибо. Признаться, я уже немного устал тянуть их вверх.

– Простите, я совсем упустила это из виду.

– Но не я.

– Не будете ли вы столь любезны по дороге к выходу сказать Эммерету, что тут нужно немного прибрать? – Клер тяжело вздохнула. – Придется придумать какую-то правдоподобную историю о том, как я ухитрилась разбить эту вазу! Судя по тому, как вдруг просветлело ее лицо, с этим у Клер особых проблем не возникнет. Оставалось только гадать, какую выдумку преподнесет она дворецкому, а заодно и его светлости.

– Скажу, что я слепая, – сказала она, снова будто прочитав его мысли, – и никаких проблем. Не могу же я помнить, где что стоит.

– Мисс Банкрофт, – чуть слышно хмыкнул Рэнд, – ну вы и штучка, скажу я вам!

Онемев от изумления, Клер услышала, как он попрощался и двинулся к выходу. Руками она по-прежнему держалась за край стола, между бровей залегла легкая морщинка. Незрячие глаза беспомощно смотрели ему вслед. Клер Банкрофт готова была поклясться, что голос Рэнда звучал восхищенно.

Услышав легкий стук в дверь, Стрикленд запер бюро.

– Войдите! – крикнул он.

На пороге появилась Клер, в руках у нее был поднос с горячим молоком и бренди. Позади нее неслышно ступал один из слуг – на случай какого-нибудь несчастья.

– Когда ты сказал это таким важным тоном, я почувствовала себя словно на аудиенции.

– Примерно так оно и есть, – сказал герцог, но его суровые черты немного смягчились. Махнув рукой, он отослал слугу прочь. – Мисс Банкрофт уже доказала, что вполне может справиться сама. Ничего страшного, если она прольет несколько капель на ковер. Почистите его или положите новый.

«Если речь идет о старинном арабском ковре, лежавшем в кабинете герцога, вряд ли ему будет так просто найти замену», – подумала про себя Клер. Она еще не забыла легенду, что этот самый ковер лежал в палатке Наполеона близ Александрии. И герцог испытывал неизъяснимое наслаждение всякий раз, когда, ложась в постель, становился на него босыми ногами.

– А как насчет севрской вазы в столовой? Тебе ее жаль так же мало, как этот ковер? – полюбопытствовала она, ориентируясь на голос Стрикленда.

– Севрской вазы? Той, что на буфете?

– Да, боюсь, ей пришел конец.

– Раскололась? – с робкой надеждой в голосе спросил герцог.

– Разбилась, вдребезги.

– Та-ак. Позволь я возьму у тебя поднос, дорогая. У тебя все чудесно получается. И Бог с ней, с этой вазой.

Клер позволила герцогу забрать поднос, потом осторожно вытянула вперед руку, нащупала спинку стула и нерешительно села. Ей до сих пор с трудом удавалось удержаться от облегченного вздоха всякий раз, когда она усаживалась на стул или на диван. Миссис Уэбстер бранила ее за это. «Послушай, можно подумать, ты боишься, что кому-то придет в голову выдернуть из-под тебя стул», – ворчала она. Клер понимала, что та права, и все же ничего не могла с собой поделать. И ей не верилось, когда миссис Уэбстер твердила, что такое часто случается. У нее так было всегда – только ослепнув, она вдруг перестала доверять даже самым обычным вещам. А раньше это касалось лишь того, что могло затронуть ее сердце, – любви, доверия.

Протянув руку, Клер почувствовала, как в нее всунули теплую кружку с молоком.

– Спасибо.

– Пей. – Стрикленд откинулся на спинку кресла, погладил подбородок, и жесткие складки у его рта разгладились. – Так что там с вазой?

– Просто я немного вышла из себя, – проговорила Клер. – Я стояла возле буфета и неловко взмахнула рукой...

– Вот как? – Взгляд герцога стал задумчивым. – Уж не капитан ли вызвал у тебя такое волнение?

Клер сухо поджала губы.

– Точнее сказать, злость. И виноват в этом он.

– Не могу сказать, что мне это нравится. Будь осторожна с этим человеком, Клер. Я ему не доверяю.

– Жаль, что тебе пришлось заключить столь невыгодную сделку, Стикль.

– Лучше бы ты не называла меня так, особенно в его присутствии. Возможно, из-за этой фамильярности наш капитан так и осмелел. Сама подумай: стоит ли особенно трепетать перед человеком, позволяющим называть себя Стикль?

Клер поспешно поднесла чашку к губам.

– По-моему, при нем я тебя так не называла. Стрикленд тяжело вздохнул.

– Маленькая лгунья! Клер пожала плечами.

– Не уверен, что и насчет вазы ты сказала мне правду. Клер чувствовала, как герцог сверлит ее взглядом, и вся сжалась, чтобы не выдать себя. Она еще не забыла, какими бывают в такую минуту его глаза: похожие на ледяные буравчики, они способны проникнуть в душу человека.

– А чем ты занимался, когда я пришла? – спросила она, пытаясь увести разговор в сторону. – Ты говорил, что устал, но что-то подсказывает мне, что ты еще работал.

– Писал объявление в газету. Это по поводу твоей новой наставницы.

– Не уверена, что ты сказал мне правду, – передразнила его Клер.

Веки Стрикленда чуть заметно дрогнули. Он сердито фыркнул, но тут же от души рассмеялся.

– Ладно, твоя взяла, плутовка. Так вот, я пытался написать по памяти то заклятие. Клер кивнула.

– Я так и подумала. Именно поэтому ты и ушел сразу же после того, как капитан прочитал его, да? И как, тебе удалось его запомнить?

Потянув на себя ящик стола, герцог вытащил лист бумаги.

– «От проклятья кровь потечет рекой, языки пламени взвываются вверх». И что-то там насчет солнца...

– «Палящее солнце, жара и зной выжгут травы под корень, как острый серп».

«Что ж, ничего удивительного, что именно эта фраза врезалась в память Клер», – подумал Стрикленд.

– Потом он упоминал еще какие-то быстрые воды и пелену перед глазами. Это все, что я успел запомнить.

– Я так и не поняла, какая тут связь с драгоценными камнями. А ты?

– Я тоже, но ведь мы слышали только часть заклития. Ключ к тайне клада может быть в какой-то другой его части.

Клер невольно отметила, что герцог перестал сомневаться в подлинности заклития. Судя по всему, он больше не считал, что Рэнд Гамильтон выдумал все это ради того, чтобы вытянуть из него деньги.

– История, которую он рассказал нам о сокровище, прекрасно вписывается в твою собственную теорию.

– Я так и думал, что ты это заметишь. Либо капитан Гамильтон не пожалел труда, чтобы изучить историю и семейные легенды, либо он знает что-то еще, не известное нам с тобой. А может, и то и другое. Не думаю, что в Оксфорде он тратил все свое время только на штудирование естественных наук. Ведь именно в библиотеке Оксфорда я и наткнулся на несколько весьма примечательных совпадений между легендой и историей нападения на испанский галеон «Фронтера».

Клер улыбнулась.

– Похоже, загадка эта влечет тебя сильнее, чем сами сокровища, верно?

Брови Стрикленда насмешливо дрогнули.

– Бог с тобой, дорогая! Я бы не возражал, если бы эти сказочные драгоценности попали в мою коллекцию.

– Только четверть их, – поправила Клер, – вспомни условия.

– Да, – помолчав, подтвердил герцог, – только четверть. Ладно, а теперь ступай в постель, у нас впереди много дел. Держу пари, готовясь к путешествию, ты так устанешь, что потом проспишь все плавание.

Рассмеявшись, Клер поставила пустую кружку на поднос.

– Спокойной ночи, Стикль, приятных сновидений.

– Проводить тебя?

– Не нужно. Десять шагов до двери и еще четырнадцать после того, как я миную третью комнату по правой стороне. Видишь, я все помню. Так что справлюсь сама, спасибо.

Стрикленд проводил ее взглядом до дверей – просто убедиться, что с ней все будет в порядке. Клер исчезла, и глаза герцога снова остановились на чистом листе бумаги, который он по-прежнему сжимал в руке. У него не было ни малейшей необходимости записывать ту часть заклития, которую цитировал капитан, – он знал, что эти строчки ничего не значат. Одного того, что строк было семь, оказалось достаточно, чтобы убедить его – Рэнд Гамильтон напал на след и подобрался к кладу даже ближе, чем удалось ему, Стрикленду.

Семь строк, семь заклитий – по одному на каждую из семерых сестер. В конце концов, может, капитан уже понял, что именно он ищет.

Эван Маркхэм, восьмой герцог Стрикленд, смял листок бумаги и зашвырнул его в камин. Потом снова повернулся к столу и принялся составлять объявление. Не в его привычках полагаться на случай!

Ее крестный оказался прав – следующие дни превратились для Клер Банкрофт в один нескончаемый кошмар.

По настоянию герцога, ей пришлось обзавестись новым гардеробом. Клер ничего не оставалось, как смириться с тем, что даже ткани и фасоны для нее выбирал кто-то другой. Герцог с немалым удовлетворением обнаружил, что миссис Уэбстер отлично разбирается в подобных вещах. Проведя весь день среди ворохов шуршащих материй, герцог убедился, что в его присутствии нет необходимости, и с облегчением удалился, оставив крестницу в надежных руках. Теперь он больше не сомневался, что ко дню отплытия все будет готово.

Кроме бесконечных примерок, Клер усиленно занималась. Ей претила сама мысль пользоваться при ходьбе палкой, которая будет привлекать к ней всеобщее внимание. Надеясь переубедить ее, герцог заказал для Клер элегантную тросточку из эбенового дерева и шумно восхищался ею. Но тут даже уговоры миссис Уэбстер не помогли. Впрочем, она не сомневалась, что Клер готова к тому, что на борту «Цербера» ее ждет гораздо больше неудобств, чем на корабле, когда-то доставившем ее в Англию. Тогда она почти все плавание провела в каюте, прикованная болезнью к постели. Сейчас Клер гораздо лучше освоилась со своей слепотой и приобрела некоторую уверенность в себе. Однако это и таит в себе немалую опасность – самоуверенность Клер и ее желание бродить по кораблю может привести к падению за борт.

Убедившись в ее правоте, Клер тренировалась постоянно: сначала возле дома, где все было ей знакомо, а уже потом, в качестве своего рода экзамена, в изобиловавших головоломными тропинками окрестностях Эбберли-Холла. Именно там она снова познакомилась с принадлежащей герцогу коллекцией древностей. Он ясно дал понять, что не желает, чтобы миссис Уэбстер сопровождала ее в домашний музей, а Клер и в голову не пришло ослушаться крестного. После происшествия с севрской вазой она долго гадала, когда же герцог вернет ей свое доверие.

Частный музей Стрикленда представлял собой галерею футов шестидесяти длиной и не более двадцати шириной. Размещался он на втором этаже западного крыла Эбберли-Холла. Тяжелые двери были всегда заперты на замок. Все последние тридцать лет ключи от него хранились только у самого герцога да у его экономки. Насколько было известно Клер, ничья нога больше никогда не переступала порога галереи.

Открыв ей дверь, миссис Новак занялась уборкой, а Клер осторожно двинулась вдоль по проходу. Приподняв стеклянные колпаки, она коснулась древних рыцарских доспехов и усыпанных драгоценностями уборов дам. Еще более старыми были широкие и короткие римские мечи и ножи, когда-то принадлежавшие друидам, – сверху донизу покрытые рунами, которые должны были придавать им магическую силу. Наконец Клер удалось отыскать лежавший поверх одной из шкатулок древнеегипетский браслет, который всегда ей очень нравился. Пальцы ее любовно пробежали по тонкому серебряному ободку в виде змейки, изогнувшей изящную головку, любовно коснулись глаз – она вспомнила, что на их месте вставлены рубины. Потом, отставив браслет подальше, Клер притворилась, что любит его. Когда-то давно, когда она с матерью еще девочкой приезжала в Эбберли-Холл, герцог позволял ей надевать его. Уже тогда он не мог ни в чем отказать малышке.

Дойдя до гобеленов, тяжелыми волнами спускавшихся со стены, Клер остановилась. Когда-то каждый из них рассказывал ей свою собственную историю, а теперь она могла только ощупывать их, и все. Жаль, что ее пальцы не способны донести до ее сознания ни богатства красок, ни захватывающих сюжетов, в незапамятные времена оживших под искусными пальцами древнего мастера. Она вдруг вспомнила, что на одном из гобеленов были изображены сцены битвы при Гастингсе, на другом – приключения сэра Гэвейна во время поисков чаши святого Грааля. Возможно, сейчас они украшают спальню герцога.

По мере того как Клер двигалась дальше, ее возбуждение понемногу улеглось. Вот китайские жадеитовые фигурки, изысканной формы вазы и бокалы эпохи династий столь древних,

что она и названий их не знала, – впрочем, теперь они ее больше не волновали. Украшенные изящными, выполненными вручную миниатюрами, старинные манускрипты не могли привлечь к себе ее внимания. Также равнодушно прошла Клер и мимо знаменитой коллекции сапфиров. Теперь, когда она уже не могла поднести их к свету, полюбоваться дивной игрой сверкающих граней, все камни в ее глазах были похожи один на другой.

Только оказавшись возле собранных герцогом книг, Клер почувствовала знакомое волнение. Рука ее легко скользнула вдоль пухлых кожаных корешков выстроившихся на полках тяжелых фолиантов. Кожа их стала мягкой, как бархат, и хотя чернила сильно выцвели от времени, текст легко было разобрать. Вытащив одну из них, Клер осторожно раскрыла книгу, гадая, что именно у нее в руках – «Жизнеописание» Плутарха, переписанное искусной рукой какого-то монаха, или же поэмы Гомера. И та и другая книги были в библиотеке крестного. Едва сдерживая благоговение, Клер медленно перевернула несколько страниц – делать это в спешке, по ее мнению, было бы оскорбительно по отношению к содержанию этих бесценных сокровищ мысли.

Вдруг рука ее наткнулась на вложенный между страниц листок бумаги, фактура которого резко отличалась от страниц древних рукописей. Первой мыслью Клер было, что она нечаянно вырвала ее из книги. В испуге она едва не захлопнула тяжелый фолиант. Потом ей пришло в голову, что экономка наверняка уже удивленно наблюдает за этой сценой.

– Миссис Новак!

– Да? Минуточку, я сейчас. Что вам угодно?

Опытное ухо Клер подсказало ей, что экономка стоит к ней спиной. Оставалось признать, что она вела себя глупо, как ребенок. Клет резким движением захлопнула книгу.

– Вы вытираете пыль с доспехов? – поинтересовалась она.

– Э-э... да. Ну, мисс, вы прямо колдунья, ей-богу! «Стало быть, экономка в конце галереи», – подумала Клер. – Не могу ли я попросить вас предупредить миссис Уэбстер, что я скоро освобожусь? Мне кажется, она в музыкальном салоне. Боюсь, она вздремнула, ожидая меня. Возможно, ей захочется освежиться перед отъездом.

– Конечно, мисс, сейчас схожу. А вы как? – В последний раз тронув тряпкой сверкающие доспехи, миссис Новак подошла к Клер. – Вот это для меня всегда было тайной за семью печатями, – вздохнула она. – Я ни словечка не знаю по-латыни, а эти все латинские – так мне сказал его светлость. Сдается мне, и вам, мисс, их не прочесть... Ой! – Экономка в испуге зажала рот рукой. Только сейчас она поняла, что сказала. – О, ради Бога, простите, мисс! Я не то хотела... то есть... – Женщина смущенно теребила тряпку. – Какая же я глупая! Так бы и вырвала себе язык!

– Все в порядке, миссис Новак. – Клер показалось, что несчастная экономка расстроилась гораздо больше, чем она сама. – Пожалуйста, передайте миссис Уэбстер мою просьбу.

Судя по всему, экономка была рада поскорее убраться из галереи.

Как только за ней захлопнулась тяжелая дверь, Клер поспешно открыла книгу на той же странице. Отыскав листок, она осторожно вытащила его. Только убедившись, что края его ровные и, стало быть, он не вырван из книги, она почувствовала облегчение. Хотя Клер сразу заметила разницу в фактуре бумаги, все же не мешало убедиться наверняка. Может быть, герцог сунул листок в книгу вместо закладки, гадала она. Она попыталась представить, как он читает старинный манускрипт на сон грядущий, и не смогла. Он собирал их не для того, чтобы читать, а чтобы обладать ими, восхищаться их древностью, упиваясь при этом чувством собственника. Для чтения у герцога было полным-полно других книг.

Клер ласково погладила рукой лист – так же бездумно, как гладила до этого кожаные переплеты редких книг. Каково же было ее удивление, когда подушечки ее пальцев нащупали выдавленные в бумаге чуть заметные углубления.

Каждое из них было чуть больше булавочного укола, но ненамного. Если бы листок не был зажат между страницами толстого манускрипта, они ощущались бы и с другой его стороны. Бумагу не вырезали – ее просто прокололи насквозь каким-то тонким инструментом.

Клер лихорадочно ощупывала листок. Интересно, бросились бы эти крошечные уколы ей в глаза, если бы она могла видеть? Вряд ли, решила она. А то, что листок был надежно спрятан меж страниц старинной книги, только подкрепляло ее уверенность в том, что все это что-нибудь да значит.

Проведя по ним указательным пальцем, Клер насчитала семь уколов. Все дырочки были расположены в нижнем правом углу листа, если она правильно держала бумагу. Конечно, она не могла поручиться за то, что не держит его вверх ногами, но в том, что он лежал именно так, Клер могла поклясться.

Интересно, знает ли об этой бумаге Стрикленд? Дрожь, которая знакома каждому первооткрывателю, пробежала у нее по спине. А вдруг листок оставил еще монах, переписывавший книгу?

Клер задумчиво улыбнулась, снова и снова проводя пальцем по семи крошечным отверстиям в бумаге. Нет, скорее всего это не просто листок – это божественное знамение. Эти семь точек были для нее чем-то столь же знакомым, как яркое созвездие Большой Медведицы на черном бархате ночного неба.

Клер снова сунула листок на прежнее место, надеясь, что ничего не перепутала. И в ту же минуту услышала приближающиеся шаги. Когда миссис Новак вошла, Клер уже стояла у дверей.

– Я закончила, – бросила она. – Спасибо, что пустили меня посмотреть.

– Да будет вам, мисс Банкрофт, для меня одно удовольствие услужить вам! Его светлость нечасто наезжает в наши края. И каждый раз, как я стираю пыль с его прекрасной коллекции, мне так жаль, что он не приводит своих друзей полюбоваться ею. Да что там, я по пальцам могу пересчитать, когда он приводил кого-то сюда! – Миссис Новак заперла дверь и, зашаркав по коридору, продолжала сокрушаться. – Конечно, я его понимаю. У нас тут, в Эбберли-Холл, достаточно воришек, которые не прочь были обчистить его галерею. Так что страх его светлости можно объяснить. Да только с тех пор, как я тут слежу за всем, из его коллекции и крошки не пропало! – горделиво объявила она.

– Его светлость полностью вам доверяет, – доброжелательно сказала Клер.

– Доверял – до сегодняшнего дня, – с усмешкой заявила экономка.

Клер нахмурилась.

– Вы хотите сказать, что он перестал вам доверять?

– Да нет... я о том, что тут ничего не пропадало. А теперь вот кой-чего будет недоставать!

Морщины на лбу Клер стали глубже. Выходит, миссис Новак все-таки что-то заподозрила? Может, ей показалось, что Клер взяла листок? Она уже открыла было рот, чтобы объяснить, что произошло, но миссис Новак не дала ей сказать.

– Да не волнуйтесь вы так! – закудаhtала пожилая женщина. – Я же понимаю, что вы просто про него запамятовали. – Она замялась. – Вы позволите, мисс?..

Клер ничего не могла понять.

– Я, право... – пробормотала она, нерешительно положив руку на перила лестницы. – Что вы хотите сказать?

– Да вот браслет, что у вас на руке, – закивала миссис Новак, – эта проклятушая змея... египетская, что ли...

Рассмеявшись, Клер подняла руку.

– Господи, ну конечно! Снимите его, миссис Новак. Наверняка я вспомнила бы про него только на обратном пути, и его светлость страшно бы рассердился.

Но на обратном пути в Лондон мысли Клер были заняты совсем другим. Происшествие с браслетом совершенно вылетело у нее из головы.

– Пенни за то, чтобы угадать ваши мысли, – тормошила ее миссис Уэбстер. – Что-то вы притихли, дорогая.

Клер удивилась, что ее задумчивость не ускользнула от внимания ее наставницы, – с той минуты, как они двинулись в путь, та без умолку трещала о своем желудке. И теперешнее замечание говорило о том, что эта волнующая тема наконец исчерпана.

– Скажите, как по-вашему, капитан Гамильтон – привлекательный мужчина? – без излишних предисловий поинтересовалась Клер.

Карета плавно катилась вперед. Так что тот факт, что миссис Уэбстер резко подскочила на сиденье, никак нельзя было объяснить некстати подвернувшимся ухабом. И Клер, если бы она могла видеть, совсем не понравилась бы усмешка, скользнувшая по губам ее компаньонки.

– Ага, так вот откуда ветер дует... – многозначительно произнесла она.

– Я же просто спросила, – резко сказала Клер. – И незачем искать в моих словах смысл, которого там нет.

Улыбка миссис Уэбстер тут же слетела с ее лица.

– Я не хотела вас обидеть, мисс Банкрофт! Конечно, у меня сложилось кое-какое мнение о внешности капитана.

Клер было мало дела до ее извинений. Однако, сделав над собой усилие, она попыталась, чтобы голос ее звучал более мягко.

– Я бы хотела его услышать, если не возражаете.

– Что ж... конечно, формально нас не представили друг другу... как вы понимаете. Так что видела я его, лишь когда он входил к его светлости или выходил от него. И должна сказать, что мне он показался весьма внушительным.

– Конечно, я понимаю. – Это вполне соответствовало собственному представлению Клер – этакий огромный каменный тики, суровый и могучий. – Но это не совсем то, что мне хотелось бы знать. Опишите его.

– Ну, волосы у него медного цвета. Не такого, как новенькая монетка, нет, – больше напоминают ту, что уже давно завалялась у вас в кармане.

– Темные?

– Да-да, только не с прозеленью. – Миссис Уэбстер рассмеялась своей незамысловатой шутке. – Они и не рыжие, и не каштановые, скорее цвета опавших осенних листьев. Иногда таким бывает закат. Вы меня понимаете?

Клер попыталась представить себе это.

– Да. Что-нибудь еще?

– У него темные глаза, – продолжала миссис Уэбстер. – Не такие темные, как ваши, но тоже карие. Суровое лицо с римским носом, а в профиль напоминает хищную птицу. Очень похож на герцога в молодости – надеюсь, вы не сочтете это дерзостью с моей стороны.

Клер вспоминала... вот герцог Стрикленд проходит через толпу, и головы поворачиваются ему вслед. Его чары не оставили равнодушной и ее. Совсем еще девочкой, расхрабрившись, она как-то предложила крестному жениться на ней. При этом воспоминании Клер не могла не улыбнуться. Конечно, потом она не знала, куда деваться от стыда, но ее матушка не видела в этом ничего страшного. Первым пришел в себя Стикль, объявив, что безумно польщен ее предложением.

– Тогда, значит, он красивый, – пробормотала Клер.

– Это еще слабо сказано, – признала миссис Уэбстер. – И все же нет... не совсем. Он был бы красив, если бы не шрам.

– Шрам?!

– У капитана на лице белый шрам, который тянется от самых волос через висок до подбородка. Не знаю, как он его получил и давно ли это произошло. Сам он, впрочем, похоже, его не замечает, так что, думаю, с тех пор минуло немало лет. Ничего уродливого в нем нет. И однако, именно этот шрам мешает мне назвать капитана Гамильтона красавцем.

Губы Клер удивленно приоткрылись.

– Но, миссис Уэбстер, тогда я просто не понимаю...

– Потому что я вдова? – лукаво спросила миссис Уэбстер. – Да еще старая женщина? Ну так что ж? Это не мешает мне восхищаться чем-то по-настоящему красивым, когда я это вижу.

– Даже таким вспыльчивым и надменным человеком, как капитан? – поддразнила Клер. – А вы уверены, что не хотите отправиться со мной? Может статься, что вы и капитан...

Вместо ответа миссис Уэбстер сердито хлопнула ее по рукам.

– А вот мне сдается, что одного взгляда в сторону этого вашего капитана достаточно, чтобы моя язва разыгралась с новой силой! И я очень сомневаюсь, что подобное путешествие пойдет на пользу мне и моему хрупкому здоровью.

Улыбнувшись, Клер ничего не сказала. Миссис Уэбстер снова оседлала своего любимого конька.

– А ты нынче вечером не в настроении! – заметил Катч, с намеком кивнув в сторону книги, лежавшей открытой на коленях у капитана. Она оказалась там несколько минут назад, когда Рэнд устал держать ее в руках. До этого времени он хотя бы делал вид, что читает. Свернув газету вчетверо, Катч отложил ее в сторону и поднес к губам стакан с бренди. – Запоздалые сожаления?

Рэнд прекрасно понимал, на что намекает Катч.

– Это все в прошлом, – признался он. – С тех пор я уже раз сто проклинал себя за то, что согласился взять ее на борт.

Катч кивнул. Ему еще не доводилось видеть, чтобы его капитан, приняв решение, сомневался в его правильности.

– От женщины на корабле одни неприятности, – глубокомысленно произнес он.

Брови Рэнда скептически поползли вверх. – Ты веришь в это не больше, чем я сам.

– Ну, я думал... может, вам нужен предлог, чтобы дать задний ход... – пожал плечами Катч.

– Слишком поздно – послезавтра уже отплываем. А тут дел невпроворот. Если учесть, сколько работы задали швеям, модисткам и белошвейкам, то, боюсь, в каюте мисс Банкрофт и повернуться будет негде, все займет новый гардероб. А сегодня я выбрал для нее сопровождающего.

– И что она собой представляет?

– Не она – он. Это мужчина.

– Ох ты! – Катч и не пытался скрыть разочарования. Его мечта заполучить на борт «Цербера» сразу двух женщин развеялась как дым. И не то чтобы он строил какие-то планы, вовсе нет, – просто мысль о том, как весело будет проводить время в их обществе, радовала его душу. – Вот уж не ожидал.

– Да и я, признаться, тоже. – Захлопнув книгу, Рэнд отложил ее в сторону. – До вчерашнего дня все кандидатки были женщинами. Потом Стрикленд решил показать мне остальных, которых он отыскал, пока мисс Банкрофт гостила в Эбберли-Холле. Сама она нашла их вполне приемлемыми. Но под конец все мы сошлись на том, что этот человек – исключительная удача.

– Что ж, отлично.

«Было бы еще лучше, будь он все-таки женщиной», – сварливо подумал Рэнд. Но сегодня он промолчал, потому что возражать было бы глупо. К тому же было ясно, что он просто придирается к человеку, а причиной всему – банальная ревность.

– Придется внести кое-какие изменения – я-то рассчитывал, что мисс Банкрофт и ее спутница будут жить в одной каюте, по крайней мере в смежных.

«А что, может статься, и будут», – подумал Катч. Скорее всего именно это и бесит Рэнда. Но он был не так глуп, чтобы высказываться вслух. Вместо этого он пробурчал нечто нечленораздельное.

Рэнд саркастически вздернул бровь, но предпочел воздержаться от вопросов.

– Его имя – Маколей Стюарт. Доктор Маколей Стюарт.

– Врач?

– Да, шотландец. У него неплохая практика в Абердине. Вообще-то он врач общего профиля, но его чрезвычайно интересует офтальмология. Правда, он не питает иллюзий относительно выздоровления мисс Банкрофт. По правде сказать, он даже объявил, что его французскому коллеге, доктору Мессье, следовало бы быть поосторожнее с подобными прогнозами. Миссис Уэбстер согласна, что он, может быть, и не так опытен в обращении со слепыми, зато он врач, а это уже кое-что. К тому же ей кажется, он не будет действовать мисс Банкрофт на нервы.

– А с чего он сам-то надумал отправиться в плавание? Из-за денег?

– Не думаю. Похоже, дела у него идут неплохо. Нет, скорее любовь к приключениям – загорелся романтической мечтой пересечь океан.

– Что ж, неплохо. Думаю, было бы куда хуже, окажись он из этих, из добреньких. На дух их не переношу!

Рэнд уже давно заметил ненависть Катча ко всякого рода филантропам и вполне разделял его чувства.

– У него нет ни малейшей склонности к миссионерской деятельности. Держу пари, пройдет несколько дней, и этот парень поймет, что романтика морских путешествий существует только в книжках!

«Особенно если Рэнд поведет „Цербер“ через коварную Северную Атлантику», – подумал Катч, злорадно представив, как добрый доктор тщетно пытается поддерживать непринужденный разговор, в то время как ему то и дело приходится свешиваться через фальшборт, чтобы его не вывернуло прямо на пол кают-компания. – А как он показался мисс Банкрофт?

– Когда я был у герцога, она как раз должна была встретиться с доктором Стюартом.

– И как он ей?

– Не знаю, но готов пари держать, что она либо возненавидит его – просто потому, что выбрал его я, либо влюбится в него по уши – в пику мне.

– Хм-м...

Уставившись в пол, Рэнд угрюмо кивнул.

– Вот именно.

«Цербер» был клипером. Рэнд в свое время буквально спас корабль, избавив его от ужасной участи превратиться после войны в обыкновенный пароход. Заняв денег где только можно, он приобрел парусник. «Цербер», сошедший со стапелей в Бостоне, отличался изящной стройностью линий, а вздымавшаяся вверх громада парусов позволяла ему не плыть, а буквально лететь по волнам, как гонимый ветром листок. Во время войны парусник был в составе флота северян, когда те начали осаду Чарлстона, и вскоре был захвачен конфедератами. Команду силой заставили сойти на берег, а израненное судно поставили в док на ремонт.

Рэнд был доволен, что его «Цербер» начал свою жизнь в качестве бостонского клипера. Приятно было отобрать такой изумительный корабль у ненавистных янки.

Стоя на палубе, Рэнд смотрел на причал. За спиной капитана с привычной ловкостью сновали его люди, перенося на борт остатки необходимого груза и готовя корабль к отплытию. Он и сам был способен приглядеть за всем, но Катч предложил заменить его, и сейчас Рэнд ждал появления экипажа герцога.

Он мог бы отчалить, не дожидаясь его. Интересно, приходило ли это в голову герцогу и его крестнице? «Семь сестер, будь они прокляты!» – выругался он сквозь зубы. Теперь, когда он знал, что нужно держать курс на Пулоту, он и сам мог бы отыскать это место. Он больше не нуждался в Клер, к тому же это избавило бы его и от присутствия на судне доктора Стюарта.

Однако злился Рэнд вовсе не потому, что следовало спешить с отплытием. Час, даже два не сыграли бы никакой роли. Слава Богу, у него не было ни груза, ни пассажиров, которых он должен был доставить к определенному сроку. А соперничать с «Цербером» в скорости не могло ни одно судно. Если погода их не подведет, корабль пересечет Атлантику и бросит якорь в Чарлстоне меньше чем через две недели. И хотя Рэнд сгорал от желания вновь увидеть «Хенли» и Бриа, ему бы и в голову не пришло подвергать опасности корабль и команду.

Для него, скорее, было делом принципа в назначенное время покинуть берега Англии, а заодно и преподать мисс Банкрофт урок, который пойдет ей на пользу. Она должна усвоить с самого начала, что во всем, что касается «Цербера» и его команды, слово Рэнда было и будет законом.

Он молча следил, как у трапа разгружают последнюю повозку со свежими овощами и фруктами. Как только груз был поднят на борт, Рэнд повернулся к Катчу.

– Поднять трап! – скомандовал он. Низкий звучный голос его пророкотал, как гром, над головами его людей. – Готовсь!

– Дорогу! Дорогу, говорю я вам! Убирайтесь с дороги!

Внимание Рэнда привлек возница, иступленно нахлестывавший свою клячу и оравший на обступивших его зевак. Бедняги, не успевшие вовремя посторониться, орудовали кулаками и нещадно ругались, пытаясь избежать его кнута. По мере того как он пробивался к «Церберу», вопли ярости и брань, которой его осыпали, становились все громче, Рэнду на мгновение даже стало немного жаль, что он не увидит, чем все это закончится.

И вдруг... дверца жалкого экипажа распахнулась, и из него выбрался герцог Стрикленд. Рэнд окинул выразительным взглядом жалкую клячу и взбешенное лицо герцога, но лицо его осталось невозмутимым, только сузившиеся глаза и вспыхнувший в них огонек выдали его интерес к происходящему, «Н-да, вряд ли его светлости приходилось ранее раскатывать в подобном экипаже», – хмыкнул он про себя.

– Стоп! – гаркнул Рэндг обращаясь к матросам, поднимавшим трап. – Спустите его! – Он двинулся к трапу, в то время как герцог помогал выйти Клер, предварительно крикнув вознице, чтобы тот поторопился с разгрузкой сундуков. Рэнд пересчитал их с чувством, близким к благоговейному изумлению, – ему-то казалось, что абсолютно все вещи Клер и доктора Стюарта еще вчера были погружены на корабль. Но делать было нечего. – Катч, найди, куда все это поставить, – приказал он, подавив вздох.

Катч озадаченно поскреб лысину, потом кивком подозвал одного из матросов.

– Слышал, что приказал капитан, Диггс? Составь куда-нибудь эти сундуки.

Рэнд смотрел на пристань. Клер шла, опираясь на руку крестного, но в руках у нее он заметил тонкую эбеновую трость. Раньше он никогда ее не видел, и первое, что пришло ему в голову, была мысль, уж не поранилась ли девушка. И тут же обозвал себя ослом – ему ли было не знать, что в доме герцога на нее буквально пылинке не дают упасть!

Последним из коляски выбрался доктор Маколей Стюарт. Он приветственно помахал рукой, и Рэнд ответил ему сдержанным кивком. Он вдруг поймал себя на том, что у него нет ни малейшего желания заводить приятельские отношения с этим человеком.

Стрикленд помог Клер подняться на палубу.

– Осторожно, дорогая, все в порядке, опирайся на трость.

Клер стиснула ему локоть. – Только не сейчас, – прошептала она.

Герцог кивнул:

– Конечно, когда ты привыкнешь. А доктор Стюарт поможет тебе освоиться.

– Непременно, мисс Банкрофт. Не волнуйтесь, вы в надежных руках.

– Сейчас она уже в моих руках, – сообщил Рэнд, как только Клер с герцогом ступили на палубу. – Вашу руку, мисс Банкрофт. – Она протянула ему ее без малейших колебаний, и он решил, что это добрый знак. – Добро пожаловать на борт «Цербера».

Клер неожиданно смутилась.

– Спасибо, капитан, простите, что опоздали..

– Она тут ни при чем, – угрюмо заметил Стрикленд. – Ей не за что извиняться. Буквально за квартал от порта у проклятой кареты отлетело колесо. Пришлось нанять эту колымагу и перенести на нее сундуки. Ну и сцена, будь я проклят! По-моему, весь город сбежался поглазеть на это зрелище! А сколько будет разговоров – ну как же, герцог Стрикленд как одержимый размахивает руками, стараясь поймать кеб, пока его кучер, проклиная все на свете, пытается поставить на место колесо! Держу пари, я выглядел точь-в-точь как очумевшая ворона!

– Ничего подобного, – мягко остановила его Клер.

– Или мокрая курица, – продолжал ворчать герцог, – брр... Потянувшись к нему, Клер ласково погладила его по руке.

Встрепенувшись, герцог притянул девушку к себе.

– Что такое, девочка?

Она улыбнулась – герцог называл ее так, только когда пытался унять свой гнев.

– Я буду очень скучать, – прошептала она. – Доктор Стюарт пообещал, что поможет мне вести дневник и писать письма. Я постараюсь записывать все, каждую деталь, так чтобы тебе казалось, что ты тоже был с нами. А потом вернусь назад вместе с братом и привезу тебе твою долю сокровищ! Я буду видеть, обещаю! Вот увидишь, милый Стикль, это ненадолго! – Клер, встав на цыпочки, поцеловала герцога в обе щеки. Эбеновая тросточка упала на палубу.

Непривычный к подобному проявлению чувств, Стрикленд слегка смутился, но холодные голубые глаза его увлажнились.

– Бог да благословит тебя, Клер, – пробормотал он и бросился вниз по трапу. Как только ноги его коснулись земли, трап молниеносно был поднят на палубу.

– Он садится в экипаж? – спросила Клер.

– Да, – кивнул Рэнд. Она опустила голову.

– Я так и думала – не в его характере стоять там и махать нам вслед рукой. И все же я предпочла бы постоять тут... пока корабль не выйдет в море.

– Конечно, сколько угодно. – Клер подняла на него глаза, и Рэнд слегка опешил. Ее улыбка была полна такого неизъяснимого очарования, которого он и представить не мог. Оставалось только гадать, была бы она столь безмятежной, если бы вдруг узнала, о чем он думает.

Глава 4

Прошло десять дней, как «Цербер» вышел из Лондона, прежде чем Маколей Стюарт хоть немного привык к морю.

– Может, хотите сделать еще круг по палубе? – спросила Клер, когда он подвел ее к трапу. С тех пор как доктор, позеленев, перестал выскакивать из-за стола во время ужина в кают-компании, их путешествие явно стало намного приятнее.

– Еще один круг? – задумчиво произнес он, судя по всему, пытаясь оценить, как к этому отнесется его желудок. – Это мысль. Может, принести вам трость?

Клер покачала головой. – Пока вы рядом, вряд ли она мне понадобится.

– Что ж, отлично. Тогда вперед.

– А мне казалось, что это ваша обязанность – вести меня, – напомнила Клер.

– Верно, только вы все время заставляете меня забывать об этом.

Клер решила принять это как комплимент. Сама она быстро привыкла к морю. Это было тем более приятно, что своими успехами она была обязана исключительно себе, а не доктору Стюарту. В те редкие минуты, когда он не висел, перегнувшись через поручни с риском свалиться в воды Атлантики, Стюарт отлеживался в своей каюте, а Клер была предоставлена самой себе.

Они поднялись на палубу, и Клер с удовольствием подставила лицо свежему ветру.

– Как будто летишь, правда, доктор?

– Надеюсь, вы меня извините, если я позволю признаться, что не разделяю вашего энтузиазма.

Клер рассмеялась. Она повернула Стюарта лицом к правому борту.

– Вначале нам не повезло с погодой, но уже скоро наступит полное безветрие.

Стюарт поразмыслил над тем, что она называет безветрием.

– Что до меня, я считаю, что в этих широтах безветрия просто не бывает.

– Возможно, вы и правы, – улыбнулась Клер.

Стоя на кватердеке, Катч смотрел, как доктор под руку с Клер расхаживают по палубе. Несколькими минутами позже к нему присоединился Рэнд.

– Похоже, нынче вечером нашему доктору удалось-таки пропихнуть в себя ужин, – ехидно заметил Катч, обращаясь к капитану. Краем глаза он наблюдал за лицом Рэнда. – Конечно, до ночи еще далеко...

Взгляд Рэнда не отрывался от парочки внизу.

– Хм-м... – промычал он.

– Вот и я так думаю. Почему бы тебе не намекнуть нашему милому доктору, что ему лучше убраться к себе в каюту?

– Лучше уж сразу швырнуть его за борт! – рявкнул Рэнд.

Катч расхохотался – судя по всему, капитан даже не заметил, что сказал это в полный голос. Но Катч не преминул воспользоваться представившейся ему возможностью.

– Постараюсь что-нибудь придумать, – объяснил он и скатился вниз прежде, чем Рэнд успел его остановить.

Проводив его взглядом, Рэнд покачал головой. Ему ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Если Катчу удастся уговорить доктора вернуться к себе, то Клер останется одна. Конечно, не было среди команды «Цербера» ни единого человека, кто не отдал бы все на свете, чтобы провести с ней несколько минут. Не будь она слепой, Клер бы увидела, как матросы буквально устраивают свалку всякий раз, когда нужно помочь ей сойти на палубу. А стоило ей выйти подышать свежим воздухом, как вокруг нее тут же образовывалось живое

кольцо добровольных охранников. Рэнду пришлось даже предупредить своих людей, что если это войдет у них в привычку, то ему придется ограничить мисс Банкрофт в прогулках.

Можно было и не говорить, что на судне сам он больше не пользовался былой популярностью.

– Мисс Банкрофт, – приветствовал ее Рэнд, в то время как Катч уводил доктора. Тот, правда, пытался протестовать, но Катч был неумолим. А при его семи футах роста ему ничего не стоило настоять на своем.

Лежавшие на поручнях пальцы Клер слабо дрогнули.

– Капитан!

В ее голосе явно слышалось облегчение, но что-то подсказывало Рэнду, что оно не имеет никакого отношения к его появлению.

– Вы без трости, – заметил он.

Клер сделала легкую гримаску. Потом слегка кивнула в сторону удалявшегося доктора.

– Как видите, я была не одна.

– Так же как и сейчас. Вы позволите? – Она кивнула, и капитан продел ее руку в свою. – Интересно, что сказал ему Катч, что он так быстро ушел?

– А вы не знаете?

– Если б знал, не спрашивал бы.

– Странно. А мне казалось, вы с Катчем были вместе, перед тем как он подошел к нам.

Рэнду пришло в голову, уж не обмолвился ли об этом сам доктор. Или она специально расспрашивала его?

– Я спрашивала доктора, не знает ли он, где мистер Катч, – объяснила Клер.

Рэнд хмыкнул, но принял объяснение без возражений. Катч с первого дня стал любимцем Клер. И пока доктору нездоровилось, Рэнд по собственному почину взял кое-какие из обязанностей Катча на себя, чтобы тот мог проводить возле нее больше времени.

– Мне говорили, что он читает вам вслух, – пробормотал капитан.

– Да. – Тяжелый локон, выбившись из прически, упал на щеку Клер. Она небрежно отбросила его в сторону. – Но думаю, сегодня у него не будет времени. Он забрал доктора Стюарта к себе, сказал, что хочет посоветоваться: у него какие-то проблемы с желудком.

Господи помилуй, так вот что придумал Катч! Рэнд изумленно покачал головой, но предпочел промолчать.

– Может, доктор вам почитает. Теперь, когда он оправился, это его обязанность.

Клер даже не пыталась скрыть, насколько мало ее привлекает подобная возможность.

– Конечно. Да и вы вправе настаивать, чтобы мистер Катч больше времени уделял своим обязанностям. Я все понимаю. Спасибо и на том, что вы так долго смотрели сквозь пальцы на его участие ко мне.

Вот это да! А Рэнд и не подозревал, что она догадывается о его роли в этом деле.

– Мистер Катч объяснил, что это вы ему разрешили, – сказала Клер. – Это так мило с вашей стороны! Тем более что вы еще в Лондоне достаточно ясно дали понять, что думаете по этому поводу. И я догадываюсь, чего вам стоило это сделать.

– Я чувствую некоторую ответственность, мисс Банкрофт, – в конце концов, доктора взяли к вам по моему настоянию. Мы обсуждали его кандидатуру втроем: я, герцог и миссис Уэбстер. И ни одному из нас не пришло в голову поинтересоваться, как он переносит качку.

Клер очень хотелось напомнить капитану, что ее-то как раз и забыли спросить, когда решали вопрос с доктором, но потом она передумала. Тому, кто провел большую часть жизни в море, такое может просто не прийти в голову.

– Погода была неважная, – пробормотала она, делая попытку выгородить злополучного доктора.

Рэнд пожал плечами.

– Ну, не такая уж плохая. Сами-то вы на ногах!

Клер потянула Рэнда за локоть, потом, отпустив его руку, ухватилась за поручни и повернулась лицом к морю.

– Уже стемнело?

– Пока еще нет, солнце как раз садится. А корабль словно пытается обогнать его.

У Клер перехватило дыхание – благодаря Рэнду она так живо это представила: быстроходный парусник летит вперед, а оранжевый шар солнца словно балансирует на тонкой линии горизонта.

– И долго так будет продолжаться?

– Не более получаса. «Церберу» так никогда и не удалось его обогнать, – хмыкнул он. И тут Рэнд заметил, что Клер слегка дрожит. – Вы замерзли. Давайте-ка я провожу вас вниз.

– Нет-нет, только не сейчас. Со мной все в порядке. – «Это не от холода», – хотелось ей сказать. Клер плотнее укуталась в плащ.

Забыв обо всем, Рэнд в восхищении любовался ее точеным профилем. Свежий морской ветер заставил ее щеки слегка порозоветь, но что-то подсказывало ему, что краска на ее лице вызвана не только холодом. Он давно уже обратил внимание, что бледность исчезла еще в Лондоне, а с тех пор, как они отплыли, здоровье ее явно пошло на поправку. И невзрачная девушка, на которую он едва обратил внимание в кабинете герцога, казалась бледной тенью той, что сейчас стояла рядом с ним. Теперь она вряд ли осталась бы незамеченной даже в огромной толпе – по крайней мере его глаза отыскивали бы ее в мгновение ока.

Морской бриз снова завладел локонами Клер, но на этот раз она даже не попыталась привести прическу в порядок. Шелковистые пряди обвилились вокруг ее шеи, и Рэнд мог бы поклясться, что она вздохнула от удовольствия.

– Вы оставили шляпу в каюте, – пробормотал он.

– Хм-м... – протянула Клер, – конечно. Хотите знать почему?

– Если не возражаете.

– Эти шляпки такие неудобные! Те, у которых нет ленточек, просто унесет в море. Понадобились бы шпильки размером с якорь, чтобы они держались на голове. А те, что с ленточками, просто меня душат. – Она провела рукой поперек шеи, чтобы показать ему, насколько это ужасно. – Так что уж пусть их остаются в каюте.

– Вы правы.

– А вы носите шляпу, капитан? – Нет.

Клер попыталась представить, как ветер треплет медно-рыжую гриву его волос.

– Неужели у вас даже нет треуголки, которую носят все капитаны?

– Ну, я ведь не совсем обычный капитан. И «Цербер»... это исследовательское судно, а не военный корабль.

– Я догадываюсь. – За минувшие десять дней, сопровождаемая Катчем, Клер умудрилась обследовать весь корабль, пробравшись даже в каюту Рэнда Гамильтона. На борту «Цербера» оказалось немало микроскопов с предметными стеклышками, различных химикатов для сохранения интересных экспонатов, а также множество инструментов для взятия проб и препарирования образцов. Катч даже позволил ей потрогать огромную кипу журналов на столе Рэнда и не пожалел труда, чтобы рассказать, что хранится на полках в шкафах. Похоже, старик немало гордился познаниями своего капитана. Клер оставалось только надеяться, что ей удалось скрыть смущение, охватившее ее в святая святых Рэнда.

– Но ведь во время войны вы тоже были капитаном, не так ли?

– Вернее, лейтенантом. И в армии, а не на флоте. Только вот треуголку я не сохранил.

От внимания Клер не ускользнула нарочито легкомысленная нотка в голосе капитана. Судя по всему, о своем участии в войне говорить ему было неприятно.

– А как же тогда случилось, что вы стали командиром «Цербера»? Почему просто не наняли кого-то?

– Терпеть не могу, когда мной командуют.

Клер невольно прикрыла рукой рот, чтобы скрыть усмешку. В это она могла поверить.

– Но вам доводилось плавать и раньше?

– До того, как я приобрел этот корабль, только в качестве пассажира. А пока «Цербер» чинили, я взял несколько уроков у старых морских волков. После этого они заявили, что у меня хватит ума доплыть до форта Самтер и обратно. – Уголки его рта дрогнули в улыбке. – Но с тех пор я доказал, что способен на большее.

– То есть, надо понимать, вы не посадили корабль на мель.

– Я этого не говорил. – При виде изумленно приоткрывшегося рта Клер Рэнд оглушительно захохотал. – Было и такое – на песчаных отмелях Аварау. Знали бы вы, чего мне стоило спасти корабль! А туземцы заломили несусветную цену за то, чтобы помочь. С тех пор я взял за правило более внимательно изучать карты и соблюдать особую осторожность возле островов.

– Надеюсь!

– Вам не о чем тревожиться, мисс Банкрофт. По крайней мере по этому поводу. Берите меня под руку и пройдемся еще немного. А то скоро вы совсем замерзнете.

Ухватившись за его руку, Клер двинулась за ним, моментально подстроившись под его шаг.

– У вас получается значительно лучше, чем у доктора, – удивленно призналась она.

Доктору повезло – ему не перепало на этот счет столько указаний, сколько пришлось выслушать Рэнду.

– Наверное, это получается само собой, – пробормотал он.

Клер рассмеялась.

– Не пытайтесь меня обмануть. Миссис Уэбстер рассказала мне, сколько вы ее расспрашивали!

Рэнд лихорадочно рылся в памяти, пытаясь припомнить, не просил ли он почтенную вдову хранить это в тайне.

– Ей не следовало этого делать, – смутился он.

– Почему? – насмешливо спросила Клер. – Или вы боитесь, что я настолько глупа, что сочту это проявлением интереса с вашей стороны? Думаю, это маловероятно. Если не считать двух визитов в наш дом, мы с вами впервые проводим столько времени вместе. Но я не жалею, капитан. Я ведь уже говорила – я не нуждаюсь в том, чтобы меня развлекали.

Рэнд осторожно обвел Клер вокруг огромной бухты канатов.

– У вас нет претензий у Стюарту? – осведомился он.

– Я ведь едва его знаю. Зато мне удалось гораздо ближе познакомиться с мистером Катчем.

– Катчем.

– Простите?

– Просто Катчем – не «мистером». Его никто так не зовет.

– Я зову. И ему это нравится. Это уважительно.

– Катч и так знает, как я его уважаю.

– Я и не спорю. Он ведь ваш друг, не так ли?

Рэнд немного помолчал, прежде чем ответить. Назвать Катча другом значило бы не сказать ничего о тех отношениях, что связывали их. Друг? Нет. Учитель, помощник, наставник, нянька... отец.

– Да, – подтвердил он, – мы с Катчем друзья.

– Милейший человек!

– Катч был бы в восторге, – сухо заметил Рэнд. Клер улыбнулась:

– Представляете, он читает мне «Вокруг света за 80 дней»!

– Моему «Церберу» такое не под силу.

– Я привезла с собой кучу книг.

– Мне уже доложили. А я-то думал, все эти сундуки, которые вы привезли с собой, набиты платьями.

– Платьями?! – Клер изумленно покачала головой, словно недоумевая, как такое могло прийти кому-то в голову. – Да мне за всю жизнь не носить даже тех, что у меня есть!

Только сейчас Рэнд заметил, что под плащом на ней изящное дорожное платье в синюю с белым полоску. Оно составляло приятный контраст с тем унылым одеянием, в котором он увидел ее впервые.

– Ваш крестный заказал вам новый гардероб?

– Он просто ненавидел все те платья, которые я выбирала для себя прежде, – призналась

Клер. – Вечно твердил, что я, дескать, ношу траур и оплакиваю свою слепоту. И бесполезно было возражать, что все это связано с потерей отца и брата. Тогда бы он решил, что я потеряла всякую надежду отыскать их.

– А он угадал – вы действительно оплакивали себя?

– В общем, да. Только мне стыдно признаваться в этом.

– В том, что он был прав? Или в том, что вы надели траур по себе?

– И в том и в другом.

Рэнд рассмеялся. Потом повернулся, и они направились в обратную сторону.

– Не хотите постоять за штурвалом? Глаза Клер расширились.

– И посадить «Цербер» на мель? – Она покачала головой. – Нет уж, увольте!

– Мы в открытом море, мисс Банкрофт.

– Ну... тогда налететь на айсберг!

– Обещаю, что увижу его издалека.

– Но я могу сбиться с курса!

– Ну, не настолько, чтобы я не справился с этим!

– А вдруг ваш «Цербер» опрокинется? Тогда мы утонем? Брови Рэнда поползли вверх.

Он внимательно всмотрелся в ее лицо: взгляд незрячих глаз был безмятежен, но легкие морщинки у рта выдали ее.

– Вы боитесь, Клер?

– Конечно, нет!

– Лгунья, – тихонько прошептал он ей на ухо.

– Осторожнее, капитан! Меня так и подмывает вцепиться вам в физиономию!

– Хорошо еще, что вам нечего швырнуть мне в голову, – проворчал он, подводя Клер к рубке и взглядом приказывая рулевому Додду отойти в сторону. Потом осторожно положил ее руки на штурвал, давая почувствовать исходившую от него могучую силу. А сам, легко обхватив ее плечи, встал у нее за спиной. – И не пытайтесь что-то делать, – предупредил он, – «Цербер» сам выбирает себе путь. Легко и уверенно.

Теперь, когда Рэнд прикрывал ее собой, юбки Клер уже не так хлестали ее по ногам. Она слышала, как над головой ее плескалась громада парусов. Натянутые ветром снасти звенели, как струны. Если бы не руки Рэнда, лежавшие у нее на плечах, Клер испугалась бы, что свежий ветер, оторвав ее от штурвала, увлечет за собой туда, где ревели и пенились валы. Словно могучий конь, закусивший удила, корабль летел по волнам, и эта стремительность, эта мощь захватили ее. Клер дрожала всем телом. Ничего подобного она еще никогда не испытывала.

Рэнд вдыхал аромат ее волос. Он стоял так близко, что разметавшиеся локоны девушки щекотали ему подбородок. «Лилия», – подумал он. Должно быть, она добавила капельку духов в воду, когда принимала ванну. Ему нравился этот запах.

– А какие еще книги вы привезли с собой? – спросил он.

– «Хижина дяди Тома». «Девяносто третий год» Виктора Гюго. «Граф Монте-Кристо». – Она задумалась. – По-моему, это все. Ах нет, еще «Лунный камень» Уилки Коллинза!

– Похоже, у доктора Стюарта не будет и минутки свободной!

– Наверное, – вздохнув, кивнула она. – Если вы, конечно, не позволите мистеру Катчу хоть иногда почитать мне.

– А Катч вам предлагал? – подозрительно спросил Рэнд.

– О нет! Но признаюсь, мне нравится, как он читает – как будто перевоплощается то в одного, то в другого из героев книги. У него даже голос меняется.

– Да, он талантливый человек, наш Катч, – саркастически заметил Рэнд. – А что тогда прикажете делать с доктором? Теперь, когда ему явно полегчало, придется ему отрабатывать свой хлеб.

– Я что-нибудь придумаю.

Рэнд несколько не сомневался в этом.

– Ладно, там будет видно, – проворчал он, не желая связывать себя обещанием. – Додд, возьми штурвал. – Он заметил, с какой неохотой Клер выпустила из рук рулевое колесо. – А у вас неплохо получается, мисс Банкрофт. Ну а теперь вам лучше вернуться к себе.

Клер оперлась на протянутую ей руку и позволила отвести себя в каюту. До самых дверей она не произнесла ни слова. Ей казалось, что человек, шедший рядом, заполняет собой все пространство вокруг них. Вся дрожа, она протянула руку, нащупывая ручку двери, и пальцы их соприкоснулись.

– Спасибо, капитан. Дальше я сама.

– Конечно. – Он замер, но не подумал убрать руку. И тут же заметил, что и Клер не убрала свою. Глаза ее смотрели в какую-то точку поверх его головы. «А вдруг она не слепа, а просто смущается?» – подумал он. Рэнд осторожно коснулся кончиком пальца ее подбородка и заметил, как она резко вздрогнула. – Простите, – тихо сказал он, – я забыл вас предупредить, – и мягко повернул ее лицо к себе. – Скажите, Клер, вас и вправду так часто целовали?

Во рту у нее пересохло. Наверное, следовало бы оскорбиться. Интересно, какой ответ он рассчитывает получить? Сказать правду? Но что тогда будет?

Спасение пришло с другой стороны. Чуть дальше по коридору распахнулась дверь и показалась голова доктора Стюарта.

– А-а! Мисс Банкрофт, – обрадовался он, – и капитан Гамильтон! Как мило, что вы позаботились о ней вместо меня! Я дал мистеру Катчу порошки – думаю, ему полегчает. Уверен, что завтра с ним уже все будет в порядке.

Услышав, как скрипнула дверь каюты, Рэнд молниеносно сунул руки в карманы. И сейчас он подозрительно вглядывался в безмятежное лицо доктора, гадая, не выдал ли себя. Но лицо Стюарта просто лучилось мальчишеской радостью. Во внешности доктора не было ничего ребяческого, однако выглядел он значительно моложе своих двадцати девяти лет. В глазах его светился мягкий юмор, на лице всегда сияла приветливая улыбка. Хорошее настроение почти никогда не покидало его – даже повиснув на поручнях с риском свалиться за борт, он продолжал взирать на мир с философским спокойствием.

Он был не очень высок, едва ли чуть выше Клер, но гибок, хорошо сложен и держался с большим достоинством. Как-то он признался, что, живя в Эдинбурге, немного занимался боксом, и Рэнд сразу же догадался, откуда у доктора такая легкая, пружинистая походка. Он тоже был рыжим, но в отличие от Рэнда, чьи волосы цветом напоминали старую медь, огненная шевелюра доктора даже в темноте горела, как факел. Каждый раз, когда он смотрел на Стюарта, в голове Рэнда вспыхивала одна из соленых морских шуточек: «Восход алый – моряк не плавай!» Он понимал, что это несправедливо, но ничего не мог поделать. А заканчивалась поговорка так: «Вспыхнул закат – моряк будет рад!»

– Я собираюсь подняться на палубу, так что, если хотите, присоединяйтесь ко мне, – предложил ему Рэнд.

– Да нет, я останусь с мисс Банкрофт, – взглянув на Клер, отказался доктор, – если вы не возражаете.

– Он обращается к вам, мисс Банкрофт, – вмешался Рэнд, видя, что Клер молчит. – О! – Она смущенно вспыхнула.

На скулах Рэнда заходили желваки. Конечно, он понимал, что у Стюарта нет такого опыта в обращении со слепыми, как у миссис Уэбстер, к тому же он совсем не знал Клер, но, по мнению капитана, сама профессия врача уже обязывала его быть более догадливым.

– Вы должны обращаться к ней по имени, доктор, иначе как же мисс Банкрофт узнать, что вы спрашиваете ее?

Стюарт побагровел от неловкости так, что лицо его по цвету практически слилось с волосами.

– Конечно, – забормотал он. – Ради Бога, простите! Клер нахмурилась. Суровая отповедь Рэнда явно пришлась ей не по вкусу. Сама она сделала бы это тактичнее.

– Забудьте об этом, – мягко сказала она. – Да, и, пожалуйста, зовите меня Клер. К чему так официально – «мисс Банкрофт», раз уж мы так долго будем вместе?

Распахнув дверь каюты, Клер пригласила доктора войти. И невольно подумала: показалось ей или нет, что удаляющиеся шаги капитана прогрехотали как-то уж подозрительно тяжело?

«Цербер» вошел в порт Чарлстона четыре дня спустя. Часть команды осталась на судне, остальные должны были провести на берегу без малого две недели.

Катч отправился вперед, в «Хенли», дать знать о возвращении хозяина, а Рэнд занялся поисками экипажа, который должен был доставить его вместе с пассажирами и их багажом на плантацию. Когда это было сделано, он сам уселся на козлы и стал ждать, когда доктор Стюарт устроит поудобнее Клер. Он тронул лошадь, не дожидаясь, пока Стюарт последует за ней, и доктору пришлось прыгать чуть ли не на ходу.

– С вами все в порядке? – с тревогой спросила Клер, услышав его испуганный возглас и почувствовав, как он мешком свалился на сиденье возле нее.

– Да-да, все нормально, – пропыхтел добродушно доктор, выпрямляясь. – Капитана можно понять. Держу пари, подплывая к Лондону, мы с вами тоже будем приплясывать от нетерпения.

«Может, и так», – мрачно подумала она, но непохоже, что Доктор Стюарт при этом станет толкаться, не заботясь о том, что может сбить кого-то с ног. Однако она благоразумно оставила эту мысль при себе. Меньше всего ей хотелось привлечь внимание Рэнда. Матросы поговаривали, что, когда капитан в таком настроении, лучше держаться от него подальше. Все как один, даже Катч, молча занимались своими делами, стараясь не попадаться ему на глаза.

– Расскажите мне, что вы видите, Маколей, – попросила Клер.

Рэнд изо всех сил старался не прислушиваться – ему было нестерпимо слышать, как какой-то чужак описывает город, который он любил. Увиденный глазами незнакомца, город тоже становился для него чужим. И потом, разве доктор сможет как следует описать прямые, как стрела, дороги, убегающие вдаль, или изумительные сады, выглядывающие из-за оград домов, мимо которых они проезжали? Откуда он мог знать историю особняков, покрытых великолепной лепниной? Да и где ему было взять подходящие слова, чтобы передать те восхитительно-нежные пастельные тона, в который они были окрашены? Разве он был знаком с хорошенькими юными женщинами, выходившими на балкон, чтобы упиваться клятвами возлюбленных? Разве только одни торговцы выстроили себе особняки в Бэттери? Да каждый из тех плантаторов, чьи земли расстились вдоль берегов Купера и Эшли, внес свою лепту в создание того архитектурного чуда, в которое превратился его любимый город! В летние

месяцы все, кто принадлежал к сливкам Чарлстона, покинув богатые рисовые и индиговые плантации, перебирались сюда, сменив удушливые испарения малярийных болот и страшную жару на свежий морской воздух.

Но вот они выехали из города, и особняки остались позади. Мерный цокот лошадиных подков по проселочной дороге стал глуше, стих городской шум и голоса прохожих. Над их головой проплывали облака. Благоухание цветов смешивалось с пряным смоляным запахом разогретых солнцем сосен; воцарилась тишина, нарушаемая лишь болтовней вьюрков и крапивников – постоянных обитателей Каролины.

Они проезжали мимо плантаций, где хозяйские дома, недавно восстановленные после войны, с трудом сохраняли остатки былого величия. Что не разрушили янки, то уничтожили «саквояжники». Гордые семейства, чьи ряды изрядно поредели после войны, делали все, что в их силах, чтобы сохранить свои земли.

Семья Рэнда Гамильтона не была исключением. Он подумал об этом, как только кобыла свернула на подъездную дорожку, ведущую к «Хенли», У самого входа, перед воротами, из кирпичей было выложено новое название усадьбы: «Конкорд». Рэнд вдруг почувствовал, что у него сжимается сердце.

Услышав от Маколея, что они приближаются к поместью, Клер напряженно застыла. Хотела бы она сейчас увидеть дом глазами Рэнда, да еще после столь долгого отсутствия! Не может быть, чтобы он был всего лишь прямоугольником из красного кирпича с белыми колоннами у входа и такими же белыми ставнями, как описывал его доктор! А как же солнечные зайчики, играющие в стеклах, благодаря которым стены кажутся теплыми? И дым, кольцами поднимающийся из каминных труб? И неужели же никто не выбежал на балкон, чтобы радостно помахать Рэнду?

Завидев вдаль «Хенли», Рэнд попридержал лошадь.

– Кирпич привезли из Англии, – коротко объяснил он. – Его обычно используют на судах как балласт. По семейной легенде, потребовалось не меньше семи судов и еще долгих пять лет, чтобы сделать «Хенли» таким, как вы его видите. Только тогда хозяин поместья был удовлетворен. Он и его невеста все это время жили в бревенчатой хижине на берегу реки, обрабатывали землю и строили планы на будущее. Теперь этой хижины уже нет. Мой дед приказал снести ее, чтобы сады могли спускаться к самой воде. Правда, теперь от них мало что осталось. Во время войны их вырубили и сожгли.

Клер с радостью слушала бы о доме и дальше, но Рэнд неожиданно осекся, будто только сейчас заметил, что он не один. Клер услышала, как в воздухе резко свистнул сплетенный из китовой кожи кнут и опустился на спину лошади. Экипаж резко дернулся и быстро покатился вперед. Больше Рэнд не произнес ни слова.

«Что ж, этого вполне достаточно», – подумала Клер. Теперь она догадывалась, что видел Рэнд, когда смотрел на «Хенли»: историю и традиции своей семьи.

Джебедея Браун поспешно подскочил к повозке, чтобы взять кобылу под уздцы, и Рэнд торопливо прыгнул на землю.

– Добро пожаловать домой, масса, – сияя, проговорил он. – Счастлив видеть вас снова в добром здравии!

– Да, я вернулся, Джеб! – Рэнд бросил недоумевающий взгляд в сторону крыльца, словно ожидая там кого-то увидеть. – А где мама? И Бриа?

Джеб оглянулся, и его сияющая улыбка моментально увяла.

– Миз Фостер неважно себя чувствует весь день. А мисс Бриа... она пошла прогуляться к реке, чуть только услышала, что вы возвращаетесь не один, а с гостями. Вы ведь помните, какая она стеснительная!

– А Оррин? Где он?

Коротко кивнув в сторону последнего окна на первом этаже, Джеб украдкой сделал такое движение, словно опрокидывал в рот рюмку.

Рэнд угрюмо кивнул:

– Позаботься о лошади, хорошо, старина? – Потом повернулся и увидел Клер и доктора, робко стоявших возле экипажа. Оставалось только гадать, заметил ли доктор пантомиму, которую только что разыграл Джеб, и хватило ли у него такта промолчать. Сообразил ли он, что человек, ставший хозяином «Хенли», превратился в законченного алкоголика?

– Добро пожаловать в «Конкорд», – бесстрастно произнес Рэнд. «Нет, это больше уже не мой дом, – устало подумал он. – Это уже не „Хенли“». – Пойдемте, я провожу вас в отведенные вам комнаты.

У дверей их встретила Адди Томас и радушно пригласила гостей в дом. Ее улыбка была ничуть не менее сияющей, чем у Джебедин.

– Ваша матушка просит вас прямо сейчас подняться к ней, – кинулась она к Рэнду. – Поспешите! Она и так уже расстроилась, что не смогла спуститься вниз и встретить вас.

– Идите же, – подтолкнула его Клер.

Рэнд заколебался. От необходимости самому решать, что делать, его спасло появление Катча на верхних ступеньках лестницы. Оставив Клер и доктора в его надежных руках, он поспешил в комнату матери.

Элизабет Гамильтон, теперь Фостер, с комфортом устроилась в широкой удобной постели, со всех сторон обложившись подушками и подложив еще одну себе под спину. Это была миниатюрная женщина с медно-рыжими, как у сына, волосами, которые лишь кое-где на висках слегка посеребрила седина. Ее кожа, тщательно оберегаемая от лучей палящего солнца, сохранила нежный оттенок свежих сливок – если не замечать чуть желтоватого синяка на одной щеке, бросавшегося в глаза, как кусок мокрой штукатурки.

Заметив, что взгляд Рэнда остановился на нем, она поспешно прикрыла щеку ладонью. Глаза Рэнда стали ледяными, и сердце матери болезненно сжалось.

– Это не то, что ты думаешь, дорогой, – мягко сказала она. – Я упала на лестнице и ударилась ногой о перила. Ну же, забудь об этом и поцелуй меня!

Присев на край кровати, Рэнд обнял мать, осторожно коснувшись поцелуем щеки, на которой не было синяка, и позволив ей обнять себя за плечи. Потом погладил ее по спине и крепко прижал к себе. Она всегда казалась ему хрупкой, как статуэтка, – только ничто не могло сломить ее. Он сделал вид, что поверил в ее обман с лестницей, хоть и знал, что это ложь от начала до конца. Тут он ничего не мог сделать, и собственное бессилие приводило его в ярость.

Отодвинувшись от сына, Элизабет Фостер окинула его критическим взглядом.

– Как ты похудел! И совсем черный стал, как головешка! – резко заметила она. – Почему ты позволяешь Катчу так ужасно тебя стричь? – Ее худенькие пальчики осторожно сжали литые мускулы на руках сына. – Ох, ну и жилистый же ты! Как вяленая оленина! И ни капли жира, одни мускулы!

Рэнд рассмеялся.

– Шшш, мама! Ты совсем вскружишь мне голову! – Если не считать синяка, мать показала ему такой же красивой, как всегда. – А почему ты в постели? – спросил он. – Надеюсь, не из-за этого... падения? Ты попросила доктора Эдвардса осмотреть твою ногу?

Она явно смутилась.

– Мне казалось, дело не стоит того, чтобы посылать Джеба за доктором.

Но Рэнд заподозрил, что дело тут не в этом. Либо его мать подчинилась приказу мужа, либо она просто побоялась скандала.

– Тогда это просто удача, что к нам приехал погостить доктор Стюарт. Как только он устроится, я попрошу его подняться к тебе.

– Гость... будет осматривать меня? Ни за что!

Взяв тонкую руку матери в свои, Рэнд нежно сжал ее пальцы.

– Тебе не о чем беспокоиться, мама. Давай-ка я лучше расскажу тебе о том, кто еще у нас в гостях.

Солнце уже село за горизонт, когда Катч предложил Клер пройтись к реке Купер. Галантно подав ей руку, он перекинул через другую свернутое одеяло. Проводив Клер через дом, он вывел девушку на веранду, и через минуту они уже оказались в огромном саду, простирившемся до самого берега реки. Воздух был напоен незнакомыми для нее ароматами, но все заглушал сильный запах реки.

Взяв одеяло, Катч аккуратно расстелил его на траве.

– Только не вздумайте отправиться дальше, – ворчливо сказал он. – Мало кому захочется выживать вас из реки.

Клер достала книгу, которую захватила с собой.

– Не хотите мне почитать?

– Только не сегодня. Я... мне... у меня есть кое-какие неотложные дела.

– Неужели у вас свидание, мистер Катч? А вы молчали!

– Как сфинкс. – Он огляделся. – Но к счастью, кажется, сюда идет мисс Бриа. Вот кто почитает вам вместо меня!

Клер замерла. Меньше всего на свете она бы хотела встретиться с Бриа Гамильтон. Еще когда их представили друг другу, девушка приветствовала ее столь сдержанным тоном, что это граничило с холодностью, а за обедом и потом за ужином хранила ледяное молчание. Клер предпочла бы, чтобы ее представили самой себе – уж она бы постаралась как-нибудь добраться до дома. А то, оставшись с ней наедине, эта Бриа, еще чего доброго, заманит ее к берегу да и спихнет в реку!

– Добрый вечер, мисс Банкрофт, – тихо поздоровалась Бриа.

– Пожалуйста, зовите меня Клер. – Она уже не раз предлагала это, но сестра Рэнда упорно продолжала обращаться к ней официально. Клер похлопала по одеялу. – Не хотите присоединиться ко мне? Мистер Катч взял одеяло, на котором могла бы поместиться добрая половина команды «Цербера». – Ответом ей было молчание, и улыбка Клер увяла. – Мистер Катч? – смущенно прошептала она.

– Мне пора идти, Клер. Оставляю вас на мисс Бриа. Под ногами Катча захрустел песок. Потом послышался слабый шорох юбок, когда Бриа наконец опустилась на одеяло рядом с ней. Доктор уже успел сообщить Клер (с совершенно несвойственным ему жаром), что Бриа Гамильтон – редкостная красавица. Как он расписывал, волосы девушки, которые она небрежно скалывала тяжелым узлом на затылке, были цвета свежего меда, а ее похожие на влажные сапфиры глаза казались особенно темными из-за густых, длинных ресниц, делавших взгляд отстраненным и немного таинственным. Клер попыталась представить ее себе – длинные, изящные ноги и тоненькую талию, которую подчеркивал жесткий корсет на китовом усе; руки, единственным недостатком которых, по словам того же доктора Стюарта, была загрубевшая кожа. Они загорели до черноты, а нежная кожа на ладонях была покрыта трещинами, ногти обломались почти до самого основания. Если девушка и пользовалась какими-то кремами, то без особого успеха.

– У вас с собой книга, – пробормотала Бриа. – Если хотите, я вам почитаю. Только недолго, а то скоро стемнеет.

Клер уже потянулась за книгой, потом решительно отложила ее в сторону.

– Может, не стоит? Не возражаете, если мы просто посидим?

Бриа задумчиво уставилась на реку.

– Это одно из моих самых любимых мест, – прошептала она.

Судя по всему, это должно было означать, что она, Клер, вторглась на чужую территорию. «Да, с сестрой Рэнда ладить не легче, чем с ним самим», – уныло подумала она.

– Здесь и вправду красиво, – согласилась Клер.

– Но откуда вам знать? Вы ведь не видите!

– Я не нуждаюсь, чтобы мне всякий раз напоминали о моей слепоте, – стиснув зубы, заявила Клер, сдерживаясь из последних сил. – Однако трудно вообразить, что кто-то может полюбить место, в котором нет даже намек на красоту, вы согласны? К тому же я способна чувствовать аромат цветов, а мои уши еще не разучились различать журчание реки. Если я невольно помешала, когда забрела в ваш любимый уголок, то прошу меня простить – я не знала.

Бриа ничего не ответила, но и не попыталась уйти. «Однако эта Клер Банкрофт – крепкий орешек», – подумала она.

– Что Рэнд рассказывал обо мне? – спросила Бриа наконец.

Вопрос застал Клер врасплох.

– Практически ничего, – призналась она. – Но во время плавания у нас с вашим братом почти не было возможности поговорить, тем более о его семье. А мистер Катч вообще неохотно затрагивал эту тему.

– Стало быть, вы спрашивали?

– Признаюсь, мне было интересно, особенно когда капитан сказал, что мы прогостим тут несколько дней. Но когда он упомянул ваше имя, я сначала решила, что вы его невеста.

Уголок рта Бриа дрогнул в улыбке, и она вдруг стала очень похожа на брата.

– Должно быть, ему это показалось забавным, – проговорила она.

– Ну... я ведь ему не сказала. Представляю, как бы он разозлился, если бы узнал! А может, предпочел бы мистифицировать меня и дальше, чтобы посмотреть, что будет...

– О, вот как? Чтобы посмотреть, что будет? – Бриа с интересом взглянула на Клер. – То есть не станете ли вы ревновать?

Клер обрадовалась, что сгустившиеся сумерки скрыли ее смущение.

– Да нет... скорее, сгорала бы от любопытства. Ваш брат... он...

– Хотите сказать, что порой хочется его придушить? – невозмутимо подсказала Бриа.

– Да, – кивнула Клер, – иногда. Бриа рассмеялась.

– А ему вы об этом говорили? Я хочу сказать – в лицо?

– В лицо только раз, а за глаза уж и не знаю сколько. Улыбка Бриа стала еще шире.

– А вы молодец, мисс Банкрофт... Клер. – Она подселла поближе, исподтишка внимательно разглядывая Клер. – Обожаю, когда он выходит из себя. Но видите ли, мы тут все Гамильтоны, а Гамильтоны редко находят общий язык друг с другом. Рэнд вбил себе в голову, что я должна поскорее выйти замуж, уехать и предоставить «Хенли» Оррину. Думаю, ответ вам ясен без слов – доверить управление плантацией Оррину? С таким же успехом можно просто бросить тут все на произвол судьбы!

– Должно быть, у вашего брата есть причины так говорить.

– О, конечно! Мои интересы – по крайней мере он это так называет! Просто он хочет, чтобы я уехала. И не понимает, что я не могу бросить маму. – Голос девушки понизился до шепота. – Он не понимает... не понимает, что я хочу спасти «Хенли»... сохранить ее... для него же!

Уж не пришло ли Бриа в голову взять ее в союзники, подумала Клер, – просто потому, что и ей тоже порой хочется придушить Рэнда?

– Для чего вы мне все это говорите? – поинтересовалась она. – У меня нет никакого влияния на вашего брата. К тому же, возможно, так действительно было бы лучше – и для вас, и для него. А вам никогда не приходило в голову, что он попросту не желает, чтобы вы жертвовали собой ради его интересов?

– Жертвовала? Но это... это ведь и мой дом! И я в равной степени несу ответственность за то, что случится с «Хенли». Так что ни о каких жертвах и речи быть не может!

– А вы говорили об этом с братом? – мягко спросила Клер.

Ответом ей был тяжелый вздох.

– Ровно двадцать минут назад, – упавшим голосом призналась Бриа. – Я даже толком не успела прийти в себя, когда увидела вас.

– Понятно, – тихо протянула Клер, даже не подозревая, каким взглядом смотрит на нее Бриа.

– Да, – кивнула та. – Держу пари, что вы действительно все понимаете.

Не прошло и недели, как происходящее на плантации перестало быть тайной для Клер. Оррин Фостер был законченным алкоголиком. Глупо-сентиментальным, с заплетающимся языком и невнятной речью, но самым что ни на есть настоящим. Пить он начинал, едва проснувшись, и продолжалось это до самого вечера, пока он, мертвецки пьяный, не сваливался в постель. Время от времени ему приходило в голову отправиться посмотреть, как идут дела на плантации. Уму непостижимо, как он до сих пор ухитрялся не сломать себе шею – впрочем, как говорится, пьяницам и дуракам везет.

Владелец «Конкорда» – а он не упускал возможности упомянуть об этом при каждом удобном случае, – как правило, весь день пребывал в благодушном настроении. Внешность у него была располагающая – широкое лицо всегда сияло улыбкой, на пухлых, как у младенца, щеках играл румянец. Шумный и экспансивный по натуре, во время разговора он бурно жестикулировал, а в подтверждение своих слов оглушительно стучал по столу кулаком. Правда, к вечеру он обычно уставал и становился вялым и неразговорчивым.

И пусть Клер была лишена возможности видеть что-то сама – она видела и замечала все глазами окружающих. Нараставшее к вечеру напряжение во время ужина становилось почти ощутимым. Элизабет Фостер прилагала неимоверные усилия, чтобы утихомирить мужа или светской любезностью хоть как-то скрыть впечатление от его очередной безобразной выходки. Бриа обычно извинялась и исчезала. Доктор Стюарт неизменно убегал вслед за ней, предлагая вместе погулять по саду или спуститься к реке, так что за столом оставались Рэнд и Клер. Время тянулось нестерпимо долго, и только с уходом Оррина этот кошмар заканчивался. Присутствие пасынка, насколько могла судить Клер, ни в коей мере не влияло ни на пагубное пристрастие Фостера, ни на его манеры. К Рэнду отчим не питал ни малейшего уважения. Оррин даже не пытался хотя бы сделать вид, что испытывает нежные чувства к Элизабет или Бриа; более того, Клер подозревала, что теперь он третировал их еще сильнее, чем прежде. Оррин Фостер принадлежал к числу тех натур, которым наплевать на то, что о них думают. Он поступал так, как считал нужным, и, по-видимому, получал немалое удовольствие от того, что пасынок был бессилен что-либо предпринять.

Случилось так, что поздно вечером довольно унылого воскресенья, спустя почти неделю после их приезда в «Хенли», Клер решила, что может ненадолго оставить Рэнда и Оррина наедине в гостиной, полагая, что все будет в порядке. К тому времени мужчины едва обменялись несколькими словами. Измучившись от натянутости, которая, точно темным облаком, окутывала всех, стоило только появиться Оррину, Клер извинилась и вышла вслед за Элизабет. К ее немалому удивлению, та все еще медленно взбиралась по ступенькам.

Выставив впереди себя тросточку, Клер уверенно двинулась через огромную прихожую к подножию лестницы. Отсчитав про себя три ступеньки, она вдруг обнаружила, что догнала Элизабет.

– Нога болит? – участливо спросила Клер. – Мне почему-то сразу показалось, что она беспокоит вас сильнее, чем вы утверждаете.

Вцепившись пальцами в перила, Элизабет перенесла вес своего миниатюрного тела на здоровую ногу.

– Это рунда, – отмахнулась она. – Боюсь, просто я еще не привыкла к боли.

– Что-то подсказывает мне, что это не так, – тихо проговорила Клер. Женщина, безропотно сносившая грубости такого дикаря, как Оррин Фостер, и терпевшая его дурной нрав, должна была давным-давно привыкнуть к боли. Ей вдруг пришло в голову, что Элизабет в некотором отношении так же слепа, как и она сама. Казалось, она пребывает в каком-то странном отупении. – Вот, возьмите. – Клер протянула женщине свою трость. – Держитесь одной рукой за перила, а в другую возьмите трость.

Но Элизабет даже не шелохнулась. Клер пришлось разжать ей пальцы и почти всунуть трость ей в руку.

– Вот, – терпеливо повторила Клер. – Возьмите, не то я, ей-богу, позову Рэнда. – Только эта угроза заставила Элизабет очнуться.

Клер услышала, как осторожные шаги Элизабет прошелестели по лестнице и замерли на самом верху.

– А теперь позвольте, я возьму вас под руку, а вы возьмите трость. Уверяю вас, все будет хорошо.

Элизабет протянула ей руку, но Клер, вместо того чтобы опереться на нее, сама уверенно подхватила ее под локоть и они вдвоем медленно двинулись по коридору. Добравшись до своей комнаты, Элизабет сделала попытку вернуть Клер трость.

– Оставьте ее себе. Думаю, завтра она вам понадобится больше, чем мне.

– О нет! Я не хочу, чтобы они... – Элизабет испуганно осеклась, – не хочу, чтобы Рэнд и Бриа догадались, как сильно меня донимают боли!

Клер понимала, чего стоило Элизабет признаться в этом.

– Думаю, они догадываются. А что говорит доктор Стюарт?

– Он осмотрел мою ногу только раз – в день вашего приезда, – призналась Элизабет. – Больше я не просила его об этом. Говорит, что это ушиб, правда, сильный, но всего лишь ушиб.

Открыв дверь в комнату, она пригласила Клер войти.

– Вы не позволите мне осмотреть вас? – решила Клер. Брови Элизабет поползли вверх.

– Вы?! Не понимаю... что вы имеете в виду, дорогая? Осмотреть...

Клер протянула к ней руки.

– Вот ими! – Ей не нужно было иметь глаза, чтобы знать, какое изумление и недоверие написано на лице Элизабет. – Видите ли, я долго жила на островах и училась у туземных хилеров⁶. Я знаю, как определять болезни сердца и даже желудка. А уж сломанная кость для меня вообще не проблема.

– Но тогда вы могли видеть, – едва слышно прошептала Элизабет. – А они... они же были туземцами.

– Послушайте, я же не предлагаю лечить вас с помощью амулетов или заклинаний! Но ведь есть такие травы, что способны облегчить вашу боль значительно быстрее, чем порошки и примочки доктора Стюарта!

Элизабет осела, будто ее внезапно перестали держать ноги.

– Откуда... откуда вам известно, что он мне что-то давал?!

– Ваше дыхание слегка отдаёт анисом и спиртом. Элизабет ошеломленно прикрыла ладонью рот.

– О Боже!

– Не удивлюсь, если узнаю, что он добавил туда немного опиума, – продолжала Клер. – Но легче вам не стало, верно?

– Нет... а я так надеялась!

– Вы сидите на краю постели, Элизабет? – Да.

– Тогда ложитесь.

⁶ Туземный знахарь, исцеляющий при помощи рук.

Поставив трость у изголовья, Элизабет со вздохом облегчения откинулась на подушки. Потом чуть заметно сморщилась, когда осторожные пальцы Клер дотронулись до ее ноги, медленно прошлись вдоль икры, ощупали колено и, наконец, взялись за ступню.

– Скажите, тут кожа все еще пурпурно-синего цвета, – спросила Клер, – или синяк понемногу прошел и она уже пожелтела?

– Цвета индиго, – вздохнула Элизабет. – Вот там... и еще там.

Клер кивнула и осторожно опустила на постель больную ногу Элизабет.

– Не уверена, что это просто ушиб, Элизабет. И не растяжение. Скорее трещина. Лучше бы вам полежать в постели и дать ноге отдых. А синяк – из-за отека и плохой циркуляции крови. И никаких микстур на основе спирта – от этого будет только хуже. А на тот случай, если вы решили, что я научилась этому у туземных лекарей, знайте – мне это объяснял отец. Он много занимался исследованиями крови – искал средства, которые влияют на ее свертываемость и состав. Знаете, многие дети обожают, когда им читают вслух. Так вот, сэр Гриффин позволял мне забираться к нему на колени и смотреть в микроскоп. Он читал мне свои статьи, как другие читают детям Диккенса. Много лет я считала, что клетка – это живое существо. – Услышав смешок Элизабет, Клер грустно улыбнулась. – Когда мы с отцом вернулись в Полинезию, я стала его помощником. Я помогала ему работать над разрешением проблемы гемофилии.

– Думаю, тебе стоит прислушаться к мнению мисс Банкрофт, мама.

Элизабет и Клер повернули головы в сторону двери. Как ни гордилась Клер своим умением различать едва слышные звуки, Рэнд появился в комнате тихо, как привидение. Он подобрался почти вплотную к кровати, а она так ничего и не услышала.

– Если вы хотели, чтобы вам никто не помешал, – сказал Рэнд, – было бы благоразумнее закрыть дверь. Я не собирался... – Взгляд его упал на колено матери, на котором не было и намека на синяк, и он в сердцах выругался.

– Рэнд! – одернула его мать. – Держи себя в руках! Не смей так выражаться!

Клер молча улыбнулась, подумав, что Рэнд и без того продемонстрировал завидную сдержанность. За время плавания ей довелось услышать немало соленых и цветистых выражений, которые срывались с его губ, и то, что прозвучало сейчас, на их фоне и ругательством назвать было трудно.

– Не стоит беспокоиться из-за меня, – любезно проговорила она. – Мне приходилось слышать и похуже!

Рэнд очень жалел, что Клер не видит взгляд, который он метнул ее в сторону при этих словах. А уж будь у него возможность высказаться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.